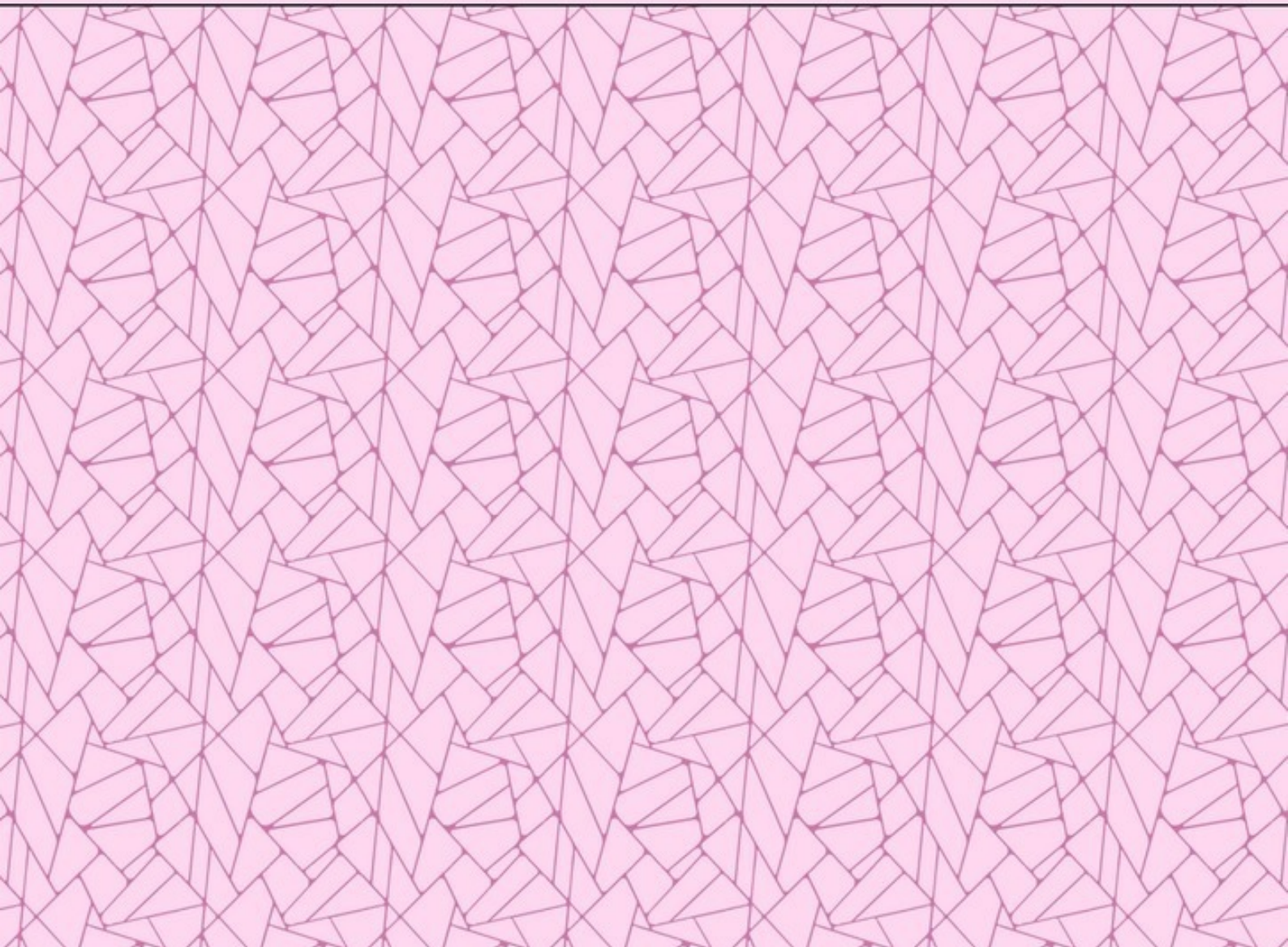

Елена Сперанская

Река жизни

Тривиальные рассказы

Елена Сперанская

Река жизни.

Тривиальные рассказы

«Издательские решения»

Сперанская Е.

Река жизни. Тривиальные рассказы / Е. Сперанская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834897-6

В книге рассказывается в краткой форме о различных людях, чьи судьбы претерпевают сильные потрясения. Все перипетии их семейных взаимоотношений проходят перед читателем. Автор подчеркивает ценность человеческой жизни в суете меркантильных забот. Каждый рассказ имеет свой законченный сюжет. Яркие персонажи взяты из реальной действительности, но фамилии и имена изменены.

ISBN 978-5-44-834897-6

© Сперанская Е.
© Издательские решения

Содержание

Река жизни	6
Гладиатор	11
Три грации	16
Увлечение	18
Страшная сказка	23
Метафизика	28
Крутые горки	33
Хористка	38
Библейский сюжет	42
Сирота казанская	44
Охотники за черепами	49
Счастливые пленники	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Река жизни

Тривиальные рассказы

Елена Сперанская

*Эх, Волга-речка, не боли, сердечко,
Не боли, сердечко, хоть скажи словечко.
Русская народная частушка*

*Льются воды твои размеренно.
Здесь и прелесть твоя, и сила.
Я в одном лишь только уверена,
Что любому ты сердцу мила.
Теплоходы, баржи, паромы, плоты
Не дают тебе задремать.
Мы с тобою снова на «ты»,
Собираюсь в дорогу опять.
Волга-матушка, наша кормилица,
Берега твои круты и топки.
Будто красная ты девица,
И страна тобою гордится.
В час суровый была ты границей.
Враг не тронул твоих берегов.
Небывалой взметнулась птицей,
Ты украшена сетью мостов!
Вся в сиянии лунного света,
Как будто ступаешь к венцу.
Или солнечным светом согрета...
Все наряды тебе к лицу.
Унесусь ли в дальнюю дорогу
Или буду близко от реки
Из себя не скорчишь недотрогу,
Всё отдашь и не пожмёшь руки.
Перелески, заводи и мели;
Пляжи, причалы и пристани.
Всё, что сделать сумели,
Это – русское искони.
Так, и чужого не требуя, в непогоду, затишь
И бурю, силы свои, пробуя,
Льешься себе на просторе.
«Слово о Волге», Е. Сперанская*

© Елена Сперанская, 2016

ISBN 978-5-4483-4897-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Река жизни

Большой и крепкий деревянный дом, построенный из столетних бревен, с выступающими наружу срезами, со ставнями в крохотный дворик, где росли перед окнами цветы: подсолнухи, колокольчики и ромашки, нравился всем сельчанам, которые часто хвалились, что у них большой урожай зерна и много птицы, выращенной рядом с конюшней в курятнике. Так жили все жители этой далекой Сибирской деревни, включая и самих хозяев этого дома. Во дворе у них на привязи сидела ворчливая собака неизвестной породы.

В доме жили когда-то двое мальчишек с родителями, но война отняла у них живность, а детей пришлось обучать самим. Иногда они посещали церковно-приходскую школу, чтобы им поставили крестик в справке. А расписываться они научились быстро, когда им отпускали расписки за урожай зерна ржи, растущей на общем поле. Каждая семья должна была убирать свой, отведенный ей надел, складывать в снопы, молотили колосья, а потом сдавали на вес в сельпо. Им доставляли иногда деньги, и они покупали себе ткань на простыни, скатерти, рубахи и портянки. Армяки остались от родителей отца, поэтому их только латали и передавали из поколения в поколение. Посуду из дерева: ложки и тарелки – все делал еще прадед, а глиняные кувшины покупали на базаре вместе с молоком и творогом, привозимыми из дальних северных районов, куда ни один солдат не смог добраться. Скопилось этого добра целый шкаф, состоящий из полок с планкой.

– Сходи к своему брату и скажи, что у меня нет больше сил отбиваться от набегов солдат. Пусть собирает восстание и готовится к наступлению, – сказал Спиридон жене в конце мая тысяча девятьсот восемнадцатого года, когда уже стали происходить расстрелы крестьян, кто не хотел воевать, и кому дорога была земля Сибирская.

– Если уйду, а тебя расстреляют, то мы никогда не встретимся, – заплакала женщина и стала вытирать слезы платком для сметания крошек хлеба со стола.

– Торопись с сообщением. Уйдешь ночью. Я тебя перевезу через реку на другую сторону, а ты тропинками выйдешь к городу. Там тебя на попутке кто-нибудь прихватит. Только не садись в телегу. Лучше спрячься в леске. Затаись. Как увидишь, проезжает кто-то из знакомых сельчан, тогда можешь голосовать. Они тоже все собирались отбыть на запад с детьми в Челябинск, – сказал твердо муж, облокотился о стол и стал читать листовку – воззвание, сохраненную им с прошлого года, где сообщалось о произошедшей революции в Петрограде и передаче власти временному правительству.

Он понимал, что эта мера предосторожности сдует с кресла всех царских чиновников и установится диктатура власти, о которой давно поговаривали у них на слетах всех сельчан после уборки урожая и распределения поровну прибыли.

– А ты Спиридон? Как вы здесь спрячетесь с Ерошей? – спросила горько Клава, чувствуя, что месяца через четыре-пять у нее тоже родиться ребенок – третий в их роду Пантелеймоновых.

– Хочешь, я с тобой уйду? – спросил Спиридон, глядя на ладную, чуть располневшую за последнее время, фигуру жены.

– Боязно мне одной по большаку идти, да по лесам прятаться. Что зверь какой?! Я-то здесь места плохо знаю. Мне помощь пригодится, шаровары твои стирать надо будет, а ребенок родится и того больше: дров нарубить, воды принести... Со всем остальным я сама справлюсь, может быть, Миша поможет. Он теперь подросток чуток, как ты думаешь?

– Верно. Но мы с ним на охоту будем ходить и рыбу ловить, а потом Ерофей к нам подъедет или пешком доберется. Спрячемся от чиновников. Там глядишь, и войне конец. А если нет, то будем участвовать против всех. Соберем слет в Алапаевске. Устроим забастовку, а потом на Донские просторы подадимся, в казачество вступим. Ребят туда пристрою. Ору-

жие дадут, лошадей крепких, – сказал он о своих намерениях уберечь своих старших детей от солдатчины, глядя, как жена начала собираться в дорогу, складывать теплые носки и платок в котомку.

– Опасно это. В казаках ты тоже должен будешь воевать. Нам и там придется дом самим строить или к кому-то на поселение устраиваться... Кому мы там нужны?

– Не торопись. Вот выздоровеет Ерофей, мы и его в дело вправим... Лишь бы сбежал отсюда, а то не ровен час наш дом подожгут, что мы против власти настроены, – почти шепотом сказал Спиридон, распахивая дверь настежь, чтобы сквозняк проветрил помещение большой комнаты, где в углу за занавеской лежал Ерофей с перевязанными пятками и дремал, еле вслушиваясь в разговор родителей, чтобы понять, к чему они клонят.

– Спирия, а может и Ерошу с собой возьмем? Ему здесь, что делать? – Клава подошла и заглянула за занавеску, чтобы выяснить спит он или нет, так как был второй час ночи.

– У него есть залатанные штаны. Вот пусть их с собой возьмет, когда к твоему брату двинется. А ружья нет, так это хорошо. Меньше страха за его жизнь. Но у нас они были. Значит, завтра опять явятся, так ему придется сбежать от них. Как он побежит, если ноги больные?

– Как? Неужто не знаешь? Как ты ко мне на свидание к брату приходил? – стала спрашивать Клава иронично, заметив, что у Ерофея под подушкой сверкнул нож и обрез.

– Знаю такое дело, в лаптях. Это первый признак хорошего самочувствия – летом в лаптях ходить. Никогда ноги не заболят, но и до зимы не протянут, – сказал Спиридон и зевнул, чувствуя, что засыпает сидя за столом.

Он встал из-за стола и подошел к печке, где за поддоном хранилась снедь, приготовленная в дорогу. Откусил от буханки хлеба. Затем посыпал солью, обмакнул туда лук, выращенный на огороде, и съел, чтобы отбить тягу забраться на печку, где лежал его дед перед смертью, и где умер его отец.

– Ты поесть хочешь, перед проводами али нет? – спросила Клава, надеясь, что все уладится и ребенок родится здоровый и крепкий, такой же, как пасынок-Миша, которому все было ничем: маленький всегда по снегу босиком бегал и не простужался.

– Нет, наелся уже. Увидишь, Клаша, мы вместе легче прорвемся и заживем по-новому у твоего брата. А потом с ними переедем с Дона на Волгу. Там, говорят, даже лучше, и земля есть хорошая... – сказал муж, тяжело дыша от перекалывания поленицы дров в избе у печки, где он спрятал двухзарядное ружье и патроны, оставшиеся от отца.

Когда дед ходил в горы на охоту за пушниной, в особенности за белкой и соболем, чтобы продать на черном рынке за большие деньги и содержать семью из пяти человек: своего отца, мать, себя, жену и единственного сына – красивого и талантливого парня, умеющего играть на гармошке – Спиридона с чубом, как у казака, выбивающегося из-под околыша фуражки. Он получал большой калым, иногда золотом. У матери сохранилось, сделанные городским ювелирным мастером, золотые вещи: обручальное кольцо, цепь, серьги и ценный крест. Все это богатство досталось первой молодой жене Спиридона – хохотушке Насте, которая не чаяла, как пучила эти драгоценности.

Но носила исключительно по праздникам, примеряя перед зеркалом украшения и заботливо складывая назад в шкатулку, вырезанную ее отцом и подаренную молодым на свадьбу. Прожили они с мужем десять лет. Успели родить двоих детей. Но Настя простудилась и стала кашлять.

Умирала она медленно. Как раз перед революцией, когда началась гражданская война, у нее случился сильный последний приступ астмы. Хоронили Настю тихо только дети и Спиридон. Сам он сделал гроб из досок, купленных в магазине. Взял у соседей лошадь и телегу. Втроем они сели сзади гроба, и лошадь сама довезла их до самого погоста с пошатнувшимися крестами, где были похоронены все родственники мужа и последнего наследника в их роду, если детей возьмут на войну, куда их записали сразу при рождении.

Потом золото по наследству перешло Клаве, у которой уже было обручальное кольцо с рубином, доставшееся ей от бабушки. Она встретила Спиридона случайно, когда пошла за водой в колодец, живя вместе с братом и родителями в Алапаевске. Он ей понравился, и она пригласила его к себе домой. В тот же день их помолвили супругами и велели слушаться друг друга при любых жизненных невзгодах.

– До брата идти лучше околицей. Скорее доберемся. А вдруг документы будут проверять на переезде станции? – спросила Клава, а сама не верила, что так легко удалось уговорить мужа ехать с ней вместе.

– Как туман спуститься, думаешь, они нас увидят? – спросил Спиридон и перекрестился.

Женщина совсем успокоилась и стала собираться в путь. Сложила еще вареную картошку, кусочек сала и свежие овощи в котомку. Завязала узелком. Налила молоко в кружку, выпила, а остальное – вскипятила в печке. Разделила на три части. Одну часть взяла с собой в маленькой бутылочке для младенца.

– Я готова. Можем идти, – сказала она, опустив голову, с грустью перебирая концы темного платка, завязанного узлом на плечах.

– Сын останется дома пока. Он у нас больной. Ему не добежать пешком. Пусть мается здесь. Если нападут, то у него есть нож. Отобьется. А сейчас идем скорей через лес к реке, – торопил муж, прихрамывая, сгорбившись, как старик, специально изображая немощного инвалида.

Они двинулись на запад к пологому берегу реки через густые заросли кустарника, чтобы ни одна живая душа не заметила их исчезновение из села, куда нагрянули солдаты Красной Армии и стали забирать оставшихся дома с родителями детей в свою банду. Никто не хотел примыкать к таким формированиям, но они стали угрожать расстрелом. Тогда собрали отряд новобранцев и заставили их за краюху хлеба расстреливать тех, кто не будет соглашаться становиться в строй солдат и участвовать в гражданской войне. Так стала формироваться, плохо вооруженная, армия колеблющихся, кто не хотел идти на войну.

Отец с матерью дошли до берега реки Нейва. Он отвязал лодку. Запрыгнул туда и пригрозил жене:

– Тихо. А то нас сейчас арестуют и отправят туда, куда следует без суда и следствия. Куда Макар телят не гонял.

Сердце Клавы сжалось в комок и затрепетало от страха. Никакая сила не могла заставить ее расстаться с суженым, с кем она обвенчалась тайно в церкви.

– Смотри, если кто скажет, что я твой муж, нам не поздоровится... Будешь при всех говорить, отец. А пока я тоже с тобой поплыву. Мы вместе сильнее будем. Там, глядишь, и до брата твоего доберемся. Запрыгивай в лодку, – скомандовал Спиридон лукаво, изображая глухого старика, почесывая постоянно то затылок, то за ухом.

Она, молча с разбегу, влетела на самую середину утлой лодчонки. Та зашаталась, но не перевернулась и медленно отплыла на середину реки.

– Ты что придумал? Мы с тобой молоко взяли на одного человека. А дома твоя порция еды осталась, – сказала она, сокрушительно возмущаясь его дикими проделками, на что он был большой специалист, и поэтому его списали после года службы с армейского учета, как негодного к прохождению дальнейшего военного обучения, так как он прикинулся больным туберкулезом, хромым и кашляя, как тяжело больной инвалид.

Сейчас в лодке он расправил плечи, налегая на весла. Никто бы ни заподозрил в нем того худощавого крестьянина, у кого отняли всю скотину, кроме собаки, которая осталась в доме с Ерофеем, прячась в курятнике.

Таким образом, на попутных машинах, иногда пешком мать с отцом ушли в другую деревню к своим дальним родным, чтобы предупредить о наступлении белых по всему фронту

Западной Сибири, как велело им их крестьянское родительское наставление – не бросать жену или мужа ни в счастье, ни в горе.

Сын – остался дома. Он лежал в горнице на лавке с перевязанной ногой, так как растер сапогами, когда учился ходить в маломерках, чтобы как-то при случае надеть отцовские сапоги, хотя бы без портянок. Он вымахал под два метра ростом, но обуви для него не было в наличии, поэтому приходилось переделывать дедовы сапоги, наставляя спереди и укорачивая голенища. Такие маломерки очень напоминали ботинки.

Он хорошо умел стрелять и промышлял рыбной ловлей, продавая весь улов сельчанам. Деньги у него были в наличии, но солдаты ему тоже пригрозили, что если он не будет воевать, то рассчитают и оправят на каторгу. Но такая постановка вопроса была устарелой, потому что этот закон не исправлялся со времен царствования Ермака и присоединения Сибири и Дальнего Востока к Киевской Руси. Поэтому каторгой называли эту самую область, где жила с давних времен семья отца Спиридона и его теперешние дети —Ерофей и Миша, когда здесь проходила граница по Уральским горам, соединяющая Челябинскую область с Екатеринбургской на севере, и еще восточнее до самого Тихого океана и Казахстана на юге России.

Спиридон не разрешил старшему сыну – Ерофею – примкнуть к бандитам, чтобы тот помог ему убрать с поля урожай ржи, а младшего – двенадцатилетнего Мишу – забрал с собой брат Клавы – Епифан, который приезжал к ним погостить один.

Дядя брал с собой подростка на рыбалку, в лес на охоту. Они ставили капканы, устраивали костры, варили уху, пекли картошку в золе, убирали снег, пилили деревья, кололи поленицы, запасали двора. У Епифана с женой немкой своих детей не было. Вот они рассчитывали воспитать племянника, как своего родного сына.

Он учил Мишу читать звериные следы, управлять лодкой, другим важным наукам, которые должен знать подросток. Они устроили его через околоточного урядника в школу, где он стал получать хорошие отметки. Дядя купил ему портфель, белую косоворотку и ремень, а брюки ему сшила немка. Ботинки он носил свои старые, доставшиеся от отца. С дядей племяннику было весело и интересно, а с мачехой – нет: только церемонность, черствость и нравоучительные нотации. Кому же такое принудительное обучение понравится?

Смерть деда – отца Клавы – потрясла Мишу. Он не успел привыкнуть, что теперь жил с совершенно чужими людьми, так еще умер старик, который никогда ничем не болел, но любил выпить изредка самогонки и подраться в кабаке со своими приятелями из-за четвертушки хлеба. Так его все дома и прозвали – Четвертак. А его жена довольно-таки красивая женщина сразу ушла жить к вдовцу – околоточному уряднику, который разбирался с пришлыми людьми.

Спиридону удалось сбежать с двадцатичетырехлетней, чернобровой, с длинными косами, красавицей женой – Клавой, стремящейся во всем угодить мужу, но из-за молодости лет не всегда получалось.

Стены их дома видели много горя: умерла от тифа первая жена Спиридона, от горя вскоре скончались ее родители, а отец самого хозяина усадьбы переехал далеко на север. Куда его направили по назначению из-за хранения дома оружия, которое он скрывал от властей. Мать сама еле управлялась по дому, но не отчаивалась, а ждала деда из ссылки.

Рано утром сына от первого брака – Ерофея – больного подняли с постели и арестовали. Обрез и нож он оставил лежать там же под матрасом. Продержав три дня в сарае на воде и хлебе, ему предъявили обвинение в отказе присоединиться к бандитам.

Жарким июльским днем восемнадцатого года отряд белогвардейцев армии Колчака вывел к реке Нейве в районе города Алапаевска своих пленных в количестве десяти человек, кого удалось собрать побоями, в одних рубахах на босу ногу. Они шли по тропинке через поле, засеянное рожью и частично убранное. Зеленые зрелые стебли трещали под ногами у солдат, хорошо вооруженных, сытых, но с надеждой, что они получат вознаграждение за выполнение

своего опасного задания. Сзади пленных бежала почти до самого берега собака одного из крестьян, которого посчитали предателем, потому что Спиридон не захотел вступать в армию сам из-за возраста. К тому времени ему было тридцать восемь лет.

Пленных построили и расстреляли после расстрела всей царской династии Романовых, включая самого Николая II, его жены, детей и брата императора – Великого князя Михаила в возрасте сорока лет и его пожилого секретаря Джонсона.

Ерофей прикинулся хромым, когда шел к реке босиком, то кровь текла у него из пятки. Он упал в воду, как и все. Солдаты ушли, но, некоторые из расстрелянных, выжили. Они поплыли на другой берег. Среди них был Ерофей. Он вышел из воды, стряхивая с себя грязь, так река обмелела. Он полз на четвереньках, чтобы не заметно было, так как солдаты возвращались и оглядывались, чтобы никто не встал. Вместе с остальными, оставшимися в живых, они побежали на другой хутор и затаились, чтобы вернуться, но потом передумали.

День Ерофей пролежал в тени забора в соседнем заброшенном уголке с другими парнями. Их осталось столько же. Солдаты не хотели проливать кровь. Они только хотели запугать, чтобы те сами добровольно перешли на их сторону. Собравшись с силами, они ползком и на полусогнутых ногах вернулись к себе домой. Ерофей пролез через окно, взял обрез, нож. Он сложил оружие в рюкзак с вареной картошкой, надел лапти и околицей побежал к ручью, где еле пришел в сознание от потрясения, что он остался жив, но нога все еще болела от проравшегося пузыря мозоли.

Таким же способом перешел реку, там, где Спиридон с Клавой, чтобы не намочить и не замочить ружье, переплыли на лодке. Он добрался до Алапаевска на попутке, сказав, что его призывают из города и велели самому доехать до сборного пункта.

Нашел по адресу, оставленному мачехой, дом, куда отвезли его младшего брата к родственнику. Постучался в дверь.

– Открыто, – крикнули ему из комнаты на первом этаже, где жил Епифан с немкой и Мишей, куда нагрянули Спиридон с Клавой.

Они уже собирались в дорогу, складывали вещи и вызвали извозчика, чтобы добраться до железнодорожного вокзала, а оттуда доехать до станции в Ростовской области, чтобы купить там дом и начать новую жизнь.

– А, Ерофей, явился-таки! – обрадовался Епифан, который рад был, что сестра приехала к ним с мужем.

– Хочу продать дом и тоже приеду к вам. Разрешишь, отец? – спросил он, обращаясь к Спиридону.

– Как знаешь. Твое наследство. А покупатель у тебя есть али нет? – у Спиридона желание выжить превалировало над всеми другими меркантильными интересами.

– Покупателя найду здесь, через околоточного урядника, – ответил Ерофей, задумавшись.

– Зря не надо связываться. Лучше когда-нибудь сам вернешься с женой туда. А сейчас, собирайся с нами в дорогу, – посоветовал ему отец хмуро, но как всегда лукаво и с усмешкой.

Они скрутили все баулы, заколотили ставни, сели на тарантас и уехали на поезде в казачью станцию Мечетинскую на Дону.

Гладиатор

*Он, сражаясь в наших легионах,
доказал свое мужество, заслужив
гражданский венок и чин декана...
«Спартак», Р. Джованьоли*

Рита росла гибкой тростинкой, напористой, легкомысленной, часто обижалась и огромный интерес уделяла подвижным играм с элементами силовых упражнений, прыжкам с парашюта в городском парке, куда стекались родители с малолетними детьми. Она завидовала мальчишкам и копировала во всем отца. Восхищалась его манерой разговаривать с налетом легкой иронии. Принимала на веру любое мимоходом сделанное высказывание о своих спортивных способностях, внешних достоинствах: фигуре, стрижке, силе мышц, загаре – все то, что так нравится в парнях. Вела себя как настоящий солдат свержсрочник, кому надоело сидеть дома сложа руки.

Но это было в прошлом. А сейчас она записалась в кружок ДОСААФ. Когда она рассказывала об этом свершившемся факте своим друзьям по подъезду, с гордостью упивалась собственным имиджем. Сразу сдала непосильные для школьницы нормы ГТО при своем высоком росте. Она часто выезжала с инструктором в лесной загородный массив на трассу, чтобы с огромным трудом овладеть правами по вождению собственной старенькой Волги, стоявшей в гараже на окраине города и доставшейся ей от деда-генерала, почившего свой век на Ваганьковском кладбище в центральном районе столицы. Пережившая своего «благоверного», бабушка предупредила ее, когда разошлась с влиятельным мужем и переехала к родителям на Украину, чтобы воспитывать своих жизнерадостных внучков. Зато у дедушки появилась молодая и честолюбивая сиделка из провинции и заменила ему весь мир, взяв на себя обязанности по захоронению чужого человека.

– Поживем пока здесь. Дед настоял, чтобы мы не волновались, – возбужденно проговорила мама двух непослушных девочек – Риты и Наташи, когда у них появилась своя трехкомнатная квартира со всеми удобствами в центре Донецка и небольшой участок в четыре сотки для огорода, который они вчетвером вместе со своим отцом – отставным офицером – перекапывали каждый весенний сезон.

– Намаялся я с вами, – постоянно повторял глава семьи, рассматривая свои боевые награды за избавление Афганистана от рабства и освобождения местного населения от нервных наркотических перевозок.

Так же в свое время рассматривал ордена и медали дед-генерал, участвовавший в опасных боевых операциях во время Великой Отечественной войны во втором Украинском фронте в Донбасско-Ростовской оборонительной операции, Сталинградской битве, Ростовской наступательной операции под руководством величайшего маршала прошлого века – Малиновского – дважды героя войн, начиная с Первой Мировой, затем Гражданская, в Испании и наконец ВОВ, похороненного в Кремлевской стене. Дедушка был знаком с ним и здоровался лично за руку, о чем часто рассказывал на семейных торжествах.

– Для нас карьера не имеет значения, – отвечали задиристо обе сестры, как две капли похожие по характеру Рита – на отца, а Наташа – на маму, сделавшую карьеру в торговле дефицитными продуктами питания в гарнизонном магазине в процессе перестройки, умеющая экономить и вести хозяйство.

– Мы живем как цари, а вы – мои три принцессы, – подмигивая веселыми, голубыми глазами жене, и целуя ее в плечо, покрытое цветной бордовой казацкой шалью и украшенной длинными кистями, говорил обычно отец.

– Ну, и, подхалим, же ты! – возмущалась жена. – Привезли новые защитные рубашки и пиджаки для офицеров. Надо и тебе, дорогой, купить по сходной цене. Ты у меня самый заметный покупатель в войсковом магазине.

– О чем речь! Сначала мою старую форму сдам в военкомат коменданту, чтобы под трибунал не попасть, – успокаивал полковник запаса.

Так они наслаждались фамильным благополучием, обилием запасов продуктов питания на зиму в магазине, когда истощались закрома и полки окрестных ларьков и супермаркетов. Неугомонные, талантливые и вездесущие дети полностью упивались свободой выбора собственной интересной профессии. Но в итоге, каждая, следуя семейной традиции, собиралась заменить в будущем своих стареньких родителей. Рита выбрала военную карьеру, решив отдать долг Родине, а Наташа внезапно ринулась в торговлю и тут же вышла замуж за курсанта-выпускника летного военного училища, где училась старшая сестра.

– Прими мои поздравления! – восклицала Рита, явившаяся на свадьбу Наташи в ярко красном умопомрачительном мини платье без рукавов, с рюшами, разрезом и спущенными плечами.

Вообще произвела полный фурор на отставников французской укороченной стрижкой, которая смотрелась очень экстравагантно, чтобы чувствовать себя комфортно в шлеме, а волнистые косы не мешали слушать радио из наушников во время тренировочных полетов на сверхзвуковых военных истребителях нового поколения. Ей была сделана небольшая татуировка на спине и шее ко дню бракосочетания. Она брызнула лаком на волосы, поэтому голова блестела на солнце словно колокол.

– Когда в космос полетишь? – предусмотрительно поинтересовалась разгоряченная невеста в фате с венком вокруг крупных локонов, принимая цветы и долгожданный подарок от сестры-гладиатора.

– Звезд с неба не хватаю, но на кусок хлеба с салом себе всегда заработаю, – ответила высокомерно Рита, растягивая каждую гласную букву, создавая неотразимое впечатление душевной беседы и обаяния, непосредственно приложившись к щеке невесты и поглядывая краем глаза, как отреагировали на ее мальчишеский вид все гости. – Совет да любовь!

– Ну, ну. Желаю удачи и тебе во всем. Найди себе жениха по душе и расскажешь, как оно у тебя получается, – съязвила Наташа. – На нас внимательно смотрят твои сослуживцы и мои родственники.

– Забудем старое, полюбим новое. Шампанское мне не ставь на стол. Пью только минералку, так как я за рулем, а развозить гостей придется опять твоей сестре, – любезно заметила Рита.

– Получай удовольствие от моих стараний.

Сестры обменялись любезностями. Гости мужского пола разделились на два лагеря: те, кто хотел выделиться из толпы и подражаться и те, кто хотел найти себе подружку на ночь. У женщин не было выбора, они отдали своих мужей на попечение своих адъютантов – младших офицеров.

Рита заметно повеселела после нравоучительной речи невесты и пустила на самотек свои женские чары, изредка наблюдая, как клуб превратился в сплошное веселое пиршество с множеством блюд и отсутствием официантов. Каждый был предоставлен себе после возлияний крепких спиртных напитков. Она вышла на воздух покурить и сбавить обороты, накатившей на нее старой страсти к красивому высокому офицеру старше на пять лет, промотавшему свои деньги в казино и на сомнительные развлечения. Он дозволил ей поухаживать за ним, снять синдром похмелья, когда случайно они попали в передрагу, оказавшись вместе с ним в районной полиции.

Долго им пришлось тогда оправдываться, писать объяснения и платить штраф. Спасибо у него нашлись веские доказательства и алиби отсутствия прямой вины в смерти солдата-срочника.

– Кто меня сегодня развлечет? – вдруг обратился к ней старинный друг отца, появившийся из разбитых, но отремонтированных фанерой, огромных дверей.

Он хмуро привалился спиной на целую алюминиевую ручку, подернутую ржавчиной, пошатываясь. Рита бросила окурки на землю, усыпанную битым стеклом, откинула маленькую красную сумочку-клатч за спину, взяла пожилого отставника под руку, зашла внутрь помещения клуба и нежно усадила дюжего старика на кресло, стоящее в фойе рядом с пустым гардеробом.

– Ладно, красавица, бывай... У меня есть разговор о тебе с отцом. Привлеку за комплимент, куколка, – стал говорить он загадками.

Седой назойливый мужчина в форме громогласно рассмеялся, демонстрируя свои награды. Она несколько не смутилась, а села ему прямо на колени, откровенно заигрывая с будущим шефом.

– Вот это по-нашему. Давай дружить, пока моя жена танцует в кругу гостей, – сказал он, ласково проведя рукой по спине Риты.

У нее побежали мурашки от этого дружелюбного прикосновения. Она внутренне собралась, но притворилась совершенно пьяной, глядя в зал, где разыгрывалась лотерея с присуждением, заранее купленных, призов.

– Приму меры безопасности. Только найди место, где мы с тобой побудем наедине.

– Я за руль могу сесть. Кто только поедет со мной? – спросила она и потрепала седину полковника свободной правой рукой, а левой импульсивно прижимала его к себе.

Полупьяная, поющая народные песни толпа, состоящая из нарядных танцующих пар, отгораживала Риту с настойчивым кавалером от счастливых новобрачных. Она привстала с колен и двинулась снова на воздух. Друг отца последовал за ней. Ехать до ближайшей гостиницы было пять минут.

Адрес своей пустой квартиры она специально забыла, чтобы создать приятное впечатление скромной курсантки-летчицы.

– Молодец, запомню твой поступок. Предоставлю место в нашем полку. Будешь старшим лейтенантом, – сказал он, подмигивая.

Она про себя цинично усмехнулась, но согласилась принять участие в продолжение свадебной церемонии на нейтральной территории дешевого отеля с грязными окнами, спущенными мятыми занавесками, отсутствием ковровых дорожек, разбитой мебелью и персоналом в домашних тапочках и фартуках, как в диетической столовой старого образца.

Они вернулись через некоторое время слегка помятые, под руку, но абсолютно трезвые. К ним подскочили несколько танцующих пар и потащили в круг. Высокие каблуки стали мешать ей. Она сняла новые туфли, поставила под стойку бара и рьяно запела народную украинскую песню. Все с радостью создали репетицию хора народных артистов, продолжая голосить на разные лады.

В последствие сестры продолжали дружить, они не чаяли, чтобы не подковырнуть друг друга, соревнуясь, как в детстве в играх с ровесниками за право получения лучезарного взгляда и одобрения мамы и твердого признания папы.

Опасности строить глазки своим сверстникам во время службы под начальством своего пожилого возлюбленного у Риты не было, потому что ее сразу приняли в состав летной военной бригада.

Руководство сразу направило ее зачищать территорию разрушенного Донецка. Там они едва уцелели после водворения на место ополченцев, принявших позицию боевиков в само-

провозглашенной республике, но немедленно потерявшей статус из-за неподобающего поведения отрядов повстанцев в добровольческих военизированных формированиях.

Старая, давно забытая любовная рана часто не давала ей покоя. Она не обсуждала с начальством свое продвижение по службе, но продолжала тренировочные занятия, отрабатывая элементы дзюдо и карате, вызывая зависть подруг-десантниц, которые находились в ее подчинении.

– Полетишь одна, без инструктора, – как-то скомандовал ей командир подразделения, когда она встала в строй вместе с другими офицерами на летном поле.

Прохладное утро навевало мысль о скором наступлении весны. В воздухе витал аромат оттаявшей земли и цветения. Роль наводчицы и разведчицы давно надоела. Она с радостью надела шлем, чтобы приступить к выполнению опасной операции, а потом вернуться к себе в полк, расположенный в лесной зоне, среди берез и верб.

Остальное, достаточно длительное перемещение она рассчитывала предпринять согласно собственному разумению и знанию топографии в этой боевой операции. Хотя она понятия не имела, что ее посадят не на сверхзвуковой джет, а на обычный вертолет. Стрелять по цели и бомбить она научилась. Своими стремительными беспощадными действиями она должна была нанести сокрушительный удар по безоружным журналистам, продвигавшимся по выжженным украинским полям для написания очередного острого репортажа и снятия последнего в их жизни видео. Это она сообразила, когда измученная, голодная и уставшая была снята с вертолета силами мирного урегулирования в российских формах и попала в криминальную среду вместе с уголовницами и рецидивистками.

– Да, я пересекла границу по заданию командира, – отвечала она сразу на допросе рассеянному сотруднику полиции. – И что?

– Напишите подробно о вашей деятельности, – предложил ей военный полицейский, передавая лист бумаги и ручку.

Пройдя через издевательства прессы на суде, выступая в роли собственного адвоката, она подчас теряла терпение и наивно не раз оправдывалась в содеянном страшном военном преступлении, отрицая сам факт существования совести и порядочности, настойчиво поддерживая культ хитроумного предательства и обмана, тогда, когда ей задавали наводящие вопросы, связанные с ее службой. Присутствующие в зале родственники не обращали внимания на наличие гигиены и прилив эмоций у женщины-гладиатора. Подсудимая – военная разведчица, сидя на деревянной скамейке за прутьями, придирчиво рассматривала всех тех свидетелей и очевидцев, кто находился в огромном зале суда.

Она упорно вспоминала и с трудом повторяла про себя свою оправдательную речь, тщательно отработанную с нанятым, наконец, собственным адвокатом, но этого не потребовалось. Летчица уже самостоятельно настойчиво в уме планировала, в какую копеечку выльется освобождение из тюрьмы, самонадеянно веря в присвоение ей очередного воинского звания – и затем поездку для лечения психики в любой приличный санаторий, так как опытные компетентные специалисты заведомо признали женщину на первый взгляд невменяемой. Требовалось более глубокое изучение личности террористки.

«Найду нужным и займу место в другом помещении, среди своих бывших однополчан», – критически и больно стучала в голове одна единственная железная фраза.

«Терять мне нечего, уйду в отставку в хорошем звании. Желательно генерала, как дед. Ну, или полковника, как отец. Жаль, он сразу отвернулся от меня. К черту этих командиров подразделений с их приказами, политикой и гулянками. Лично отомщу кровопийцам и бандитам».

Разодетая в пух и прах сестра со своим заносчивым гонором, иронично наблюдая из зала, отказалась помочь материально, чтобы выплатить штраф за нанесенный ущерб, а мама с портретом дочери дежурила у решетки перед входом на территорию двора суда.

Лишь жалкие, накопленные за время службы деньги, часть сбереженные в банке, оставшиеся от отпуска после торговли овощами с личной дачной сотки, а часть, припрятанные в домашнем сейфе, а потом полученные с разрешения адвоката, помогли ей почувствовать себя свободной среди компетентной и лицемерной публики.

Поздравления от руководства в черных рамках доводили Риту в тюрьме до бешенства. Она срывала свои старые кофты и бросала в угол камеры. Подшивать и штопать дыры на старых вещах она считала бесполезным. Чтобы не потерять надежду, она собиралась на выходе передать все документы маме через адвоката. Посылки от родственников для нее и других заключенных приходили с очень большими интервалами. У нее оставалось одно отчаяние на смену места жительства или политического убежища. Она написала несколько писем в другие сопредельные государства с просьбой о помиловании и обмен на своих противников.

Ответы шли за большие деньги, которые ей передавала адвокат из тающих, как весенний снег, заначек. Требуемый судом штраф был скрупулезно выплачен до копейки, но автомобиль Волгу она подарила любимой сестре, чтобы та распорядилась по своему усмотрению. Кое-что начало срастаться в деле. Адвокат стала меньше придирается к трудно понимаемой гражданскими лицами биографии. Через полтора года циничная драма превратилась в фарс с насмешливыми репликами, шелканьем затворов фотоаппаратов и блеском кинокамер журналистов, репортеров местных и столичных средств массовой информации.

Обмен на разведчиков подобных ей происходил часто по линии Госдепартамента, поэтому Рита ждала с нарастающим нетерпением письма с Украины. Наконец предпринятые шаги увенчались успехом после второй попытки. Следствие начало сворачиваться в тот момент, когда домашний сейф и счет в банке опустели, а маму положили в больницу.

Когда у нее ушло полмиллиона рублей на все перипетии, она легла в камере на живот и стала, как в детстве, зарываться в подушку лицом, чтобы уснуть и отрешиться от страшной действительности, разворачивающейся впереди. На очередном выездном заседании суда зачитали разрешение на обмен за двух украинских уголовников, заключенных под стражу в России. После чего в течение недели она молилась за скорейшее освобождение и возвращение домой. Бывшая украинская разведчица была помилована президентом России. Она стала депутатом Верховной Рады, сообщив об этом безапелляционно в эфире национального телевидения, вызывая безудержный восторг слушателей, подражателей и сторонников президента, нравоучительно и фанатично показывая индивидуальные возможности женщины добиться самой всего, к чему она стремится, даже не задумываясь, какие последствия это может иметь:

– Я готова вновь выехать Россию, если это принесет пользу Украине. Согласна ездить везде, куда буду считать необходимым. Даже рискуя своей жизнью, хотя за это у нас лишают доступа к секретным материалам. Ни одной государственной тайны я не открыла, – в который раз повторяла она, заученную до боли, фразу. – И это проверено всеми спецслужбами и официальными органами Украины.

С таким резким заявлением для иностранных журналистов, к кому она относилась лояльно, но кого прежде собиралась бомбить, выступила после того, когда снова побывала на своей разрушенной земле – в Донбассе, пообщалась с ополченцами, а потом опять была задержана и арестована. На допросе с пристрастием в полиции дала показания по поводу посещений «оккупированных территорий». Это ее выступление было записано на диктофон. Все представители Верховной Рады поняли, по ее словам, что она согласна поехать и в Донецк, и в Россию. Однако ранее сообщалось, что украинские силовики не пустили Риту в столицу ДНР, где она собиралась «лично провести прямые переговоры» об обмене военнопленными на основе собственного горького опыта.

Три грации

Жаркое июльское солнце возвестило о разгаре отпускного летнего сезона с лихорадочным поиском возможности спрятаться в тени крупных магазинов или переменить домашний климат контроль на прохладу и веерное вентиляционное перекачивание воздуха, создающее легкий ветерок. Зной постепенно превращался в духоту и ожидание вечера, как манны небесной после падения метеорита, отколовшегося от известного солнечного тела под названием в честь английского астронома – кометы Галлея, вращающейся по параболической траектории, возвращающаяся к солнцу. Такая предрасположенность к ночным астрономическим изысканиям способствовала изучению философии, возникая в жару, как серьезное осложнение у любого здравомыслящего человека. Белый многоэтажный корабль – круизный лайнер «Силья лайн» с грандиозной музыкальной программой, лифтами, бутиками, ресторанами, кафе, концертными залами, танцполами, шведским столом, рулеткой был по карману только изысканной публике. Запланированная долгожданная поездка в Скандинавию на три дня, наконец, началась у группы туристов, измученных летним отпуском. Северные страны: Швеция, Норвегия, Дания и Финляндия. Все привлекательные своими шедеврами в кулинарном искусстве, ландшафтом, фьордами, замками, дворцами, сменой караула, достопримечательностями, связанными с великими драматургами, композиторами, учеными, поэтами, художниками и геральдическими королевскими династиям: Ибсен, Сибелиус, Григ, Ларссон, Цорн, Ольденбурги, Глюксбурги, Виндзоры.

Соседками на судне оказались три молодые женщины разной национальности. Одна – стройная, маленькая, с короткой традиционной стрижкой, китайка-фармацевт – владелица, по ее описаниям, сети аптек, богатого мужа, страстного любовника и образованного сына, мечтающего вернуться навсегда в Китай к своей невесте. Другая – темпераментная, с длинными, упругими, как прутья, волосами, раскосыми глазами, в открытой майке – украинка, татарского происхождения или казачка, судя по характеру, продавщица московского бутика – «Шторы». А третья – моложавая провинциалка, одетая в тонкий кожаный пиджак с золотыми кольцами на рукавах – изделие турецких мастеров – преподаватель вуза, которая проявляла завидный интерес к расположению кают, чтобы не потеряться между этажами и трюмами. Соседство по столу их нисколько не напрягало. Наоборот, вызывало периодические вспышки разговора.

Они называли друг друга одним преобразованным русским именем – Елена, к чему у восточных китайцев проявлялась неизгладимая тяга. Следовательно, им не следовало называть свою соседку однозначно, но, переключив внимание на обилие закусок, мороженого, икры и других лакомств, китайка назвалась просто – Ель, казачка – Аленой, а провинциалка так и осталась – Леной. Они с нетерпением ожидали заключительного бала, наряжаясь в вечерние туфли, яркие, наилучшие платья или брюки, надушенные французскими духами от Кристиана Диора, Армани и Коко Шанель, чтобы подчеркнуть достоинства фигуры.

В сногшибательных туалетах три грации обошли кормовую часть девятой палубы, фотографируясь на фоне приближающегося берега Стокгольма, который поражал своими великолепными гранитными набережными, улицами, развлечениями, ресторанами, магазинами, памятниками, музеями, цветниками и королевскими дворцами. На обратном пути, после длительных препирательств с Елью, которая очень устала и вернулась к себе в каюту люкс класса, они вдвоем мужественно отправились на дискотеку в танцзал. Давно играл вокально-инструментальный ансамбль.

Ночное шоу «Ритмы Бразилии» воодушевляло посетителей, сидящих полукругом вокруг сцены за столиками или на удобных мягких креслах. На площадке вокруг сцены танцевали пары в бурном ритме. Женщины-тезки наслаждались взглядами одиноких мужчин, развалившихся на диванах и выбирающих себе пару для танца.

Лену пригласил высокий красивый финн с повадками благородного фавна и удивительными манерами. Остальная часть ночи пронеслась в зажигательном урагане бешеных ритмов самбы, танго, румбы, ча-ча-ча, твиста и шейка. Около четырех часов ночи на эстраде оказались они вдвоем с финном. Приз за выносливость и лучшее исполнение им никто не вручил. Зато все остальные участники отсыпались, отправившись отдыхать в каюты после душераздирающего темпа.

Танцовщица-провинциалка и столичная штучка, наблюдавшая весь вечер и ночь за ураганом танцевального шоу, сидя на мягком диване за столом, рядом с потомком династии Габсбургов – финном вышли на кормовую вторую палубу, чтобы проветриться и обсудить прошедший танцевальный конкурс.

От воды шел сильный перепрелый запах отходов с кухни, а за бортом видны были крошечные островки, поросшие травой. Где-то вдалеке маячила главная цитадель королевской семьи. Они живо обсудили семейный и дружеский отдых на английском языке, поблагодарив друг друга, решили вернуться в свои каюты, обменявшись электронными адресами и телефонами.

– У него отличный голос, – похвалила Алена партнера по танцам подруги, когда они возвращались в каюту на лифте. – Ты будешь ему звонить или писать?

– Будем считать, что твой риторический вопрос остался без ответа, – твердо ответила Лена, как преподаватель вуза в аудитории перед студентами, ожидающих проставления зачета.

Алена понимающе улыбнулась. Они зашли в тесную, но очень комфортабельную каюту, быстро собрали вещи, приняли душ, освежились, а оттуда с восьмой палубы в спортивном темпе сбегали на не менее комфортабельную третью или четвертую палубу на завтрак в ресторан после сногшибательных ночных танцев. Затем они уже втроем, встретившись с китайской Елью, которая сладко успела выспаться и отдохнула перед высадкой на берег, вернулись за чемоданами, спустились снова на лифте вниз и покинули судно.

Увлечение

Суета и досужие разговоры о предстоящих экзаменах и зачетах слышались изо всех углов коридора, где стояли умудренные жизненным опытом студенты медицинского вуза. Сессия была в самом разгаре. Преподаватели с важным видом передавали зачетки старостам и те вписывали требуемые слова в графы, чтобы профессор мог сразу, получив грамотный ответ от компетентного студента, расписаться.

– У кого есть пожелания? – спросила научный секретарь.

– Будем строже. Смотрите, сколько у них накопилось хвостов! – провозгласила почтенная заведующая одной из кафедр на заседании Научного Совета.

– Следует довести до ректора наши насущные требования и задачи, – пожелал другой руководитель с места.

– Профессора и деканы других вузов с величайшим удовольствием поддержат нас, – сказала тихо новоиспеченная аспирантка своей коллеге, сидящей впереди, наклонившись вперед.

Они прекратили общаться, дожидаясь окончания заседания научного сообщества, чтобы на следующий день приступить к работе по новым законодательным требованиям.

Для деятельной Ольги с багажом знаний по немецкому языку такая инициатива была на руку. Она спала и видела себя заведующей кафедрой. Быть примером для подражания, вызывая зависть сотрудников – этим могла похвастаться не каждая женщина. Домашние Ольги занимались кто, чем в профессиональной сфере. Мама была разъездным продавцом по собственной инициативе, торговала пластиковой мебелью, посудой, хозтоварами, чулками, галантереей. Любимый муж и отчим одновременно с нетерпением дожидался окончания оставшегося срока тюремного заключения – каких-то пять-шесть лет – за непреднамеренное убийство своего близкого сотрудника на почве ревности к его бывшей любовнице на территории большого закрытого мебельного предприятия. Шестнадцатилетний сын – Сашка – заканчивал учиться в школе. Он постоянно сновал между первым этажом и подвалом их частного дома, куда он приводил понравившихся одноклассниц познакомиться со своим великолепным интерьером и послушать его обожаемую, известную во всем мире рок группу – Рамштайн. Многочисленные диски и кассеты этих умопомрачительных певцов были аккуратно упакованы и спрятаны в диван, чтобы хранились и не портились от частого прослушивания.

– Вижу, скоро добалуешься, – предупредила Ольга сына перед обедом, чтобы наставить подростка на путь истинный, когда вернулась с работы, наблюдая за его перекусом. – К девочкам и женщинам надо относиться с уважением, – назидательно, как опытный психолог и педагог, проговорила она. – Кто приходил? Я их знаю? И зачем ты с ними встречаешься?

– Они сами просятся ко мне в гости, – ответил сын, медленно дожевывая на ходу бутерброд с колбасой и присаживаясь за стол.

– Ты у меня красивый мальчик, поэтому они и хотят с тобой поближе познакомиться, чтобы дружить, – успокоила она, продолжая злиться на него, еле себя сдерживая, чтобы не сорваться по пустякам.

– Ладно. Исправлюсь. Покупай мне Мерседес. Будем с ребятами кататься, – торжественно потребовал отпрыск. – Водить я умею, на права сдам без проблем.

– Ты мне деньги дал, сопляк? – продолжила перебранку рассерженная в конец Ольга. – Кредит за холодильник еще не выплатила. Вот закончится у тебя учеба, пойдешь и заработаешь себе на любую иномарку. Будешь с кем угодно кататься.

– Мне сегодня с двоюродным братом надо по клубам проехаться разок. Он меня обещал взять в долю в его бизнесе.

На самом деле сводный брат был от отца Сашки, но от другой женщины. Он очень гордился уголовным прошлым их общего родителя и заигрывал с сыном Ольги, позволяя кататься на его джипе и даже садиться за руль.

– Тоже сутенером хочешь стать? Какая у него профессия ты знаешь? Нет, вот и молчи, – спросила наставительно и тут же ответила за него женщина, с гневом глядя на своего подрастающего защитника и опору в жизни.

– Тогда собираюсь завербоваться на север. Буду нефтяником как дядя, – оправдывался тщеславный парень с крепкой фигурой, симпатичным лицом и фривольным взглядом на окружающие предметы, в чем он мало разбирался.

– Какой такой дядя? Мало одного зэка в семье, так ты еще собираешься меня под монастырь подвести. Мы ведь с тобой хотели в Германию смотаться по туристической путевке. Я и документы подала на Шенгенскую визу для двоих, – порадовала сына и себя Ольга, доказывая ему их близкое родство, схожесть характеров и взглядов на существование.

– Ладно, согласен. Значит, пойду дальше учиться, – примирился он, вздыхая и тут же соглашаясь с ее влиятельным мнением.

– Правильно. Надо в вуз идти, чтобы высшее образование получить. Я бы тебе помогла к нам в медицинский университет поступить... – внезапно предложила она, рассуждая, как ректор или проректор по учебной работе. – На подготовительные курсы могу тебя пристроить. Но документы нужно заранее собрать и отсрочку от армии взять.

– Стану хирургом! – заключил сын. – Вот это да-а-а.

Обрадованный Сашка быстро вскочил из-за стола и снова спрыгнул по деревянной лестнице в уютный подвал для наведения абсолютного порядка после очередного интимного общения со своей новой подружкой, кого он особенно любил, обнимать, лапать и щипать, а она хихикала, но помалкивала, что давно он ей нравился, мечтая выйти за него замуж.

– Ты слышишь меня или нет, сына? – крикнула ему разгневанная Ольга, заглянув внутрь тщательно однообразно побеленного и отремонтированного подвала на всю длину частного дома.

Там находилась столярная мастерская, стены были увешаны плакатами зарубежных ВИА, а над продавленным, выдавшим виды, диваном висела коллекция из четырех ножей в открытом доступе, без стекла и рамок. В углу, на столе стоял монитор и старенький компьютер.

– Слышу. Меня на ужин не жди. Договорился с братом. Поедем в клуб, девчонок развозить по домам. Сейчас полежу немного, а когда встану тебе помогу, что скажешь, – ответил, как настоящий, мужчина подросток, который собирался идти на работу.

– Ну, ты даешь! Только обсудили твои проблемы! А ты опять за старое! Кто будет к экзаменам для поступления в московский вуз готовиться? – честолюбиво спросила Ольга, не догадываясь о его амурных проделках. – Репетитора тебе наняла. Тогда узнаешь!

Намерения были у нее очень серьезные побаловать сына, свозить по турпутевке в Германию, тем самым компенсировать участвовавшие подзатыльники за бездельничанье. Она наивно полагала, что за одну поездку он выучит немецкий в совершенстве. С рождения ребенка она завела привычку рьяно заботиться о семейном бюджете, записывала каждый потраченный рубль.

– Все и так знаю. Надоело твое нытье, – в очередной раз, прикинувшись больным, он разлегся на диване, чтобы скрыть пятна крови, выступавшие на светлом гобелене обивки.

– Вот, вот. Только и умеешь, что врать! – воскликнула она.

– Учусь нормально. Завтра репетитор меня проверит, – Сашка поднялся на первый этаж, положил на кухонный стол учебник математики. – Вот видишь, – сказал он, исподлобья глядя на мать, затем посмотрел на продавленный пол, – тоже ремонт требуется.

– Полицейский приходил... Спрашивал тебя вчера, когда вы с братом катались по клубам, – укоризненно, допивая чай с лимоном, сообщила она, заинтригованная его желанием помочь ей.

Вид у нее был умеренно строгий, потому что надо было заняться подсчетом недельной выручки от продажи на работе среди сотрудников некоторой пластиковой посуды, которую она взяла в магазине у матери. Деньги тайно откладывала для покупки себе новых вещей, на кредит, репетитора и будущую намечавшуюся поездку с сыном за границу.

– Мам, чего ему у нас надо? – поинтересовался сорванец и ухарь одновременно с отчаянием переростка и опытного бизнесмена.

– Тебя надо спросить. Ты у нас главный распорядитель деньгами, – пояснила Ольга с видом учительницы. – Ладно, иди куда хочешь, – отослала она его предусмотрительно.

Посыпать голову пеплом из-за отсутствия мужа или богатого спонсора, который бы снабжал деньгами или продуктами, она не собиралась, поэтому работала, не покладая рук. Взяла полторы ставки на работе, вела кружок и не гнушалась мелких подарков от студентов в период зачетов: цветов, коробки конфет, пачки чая или кофе, бутылки шампанского.

– Могу объяснить. Ты только никому не говори, – признался зарвавшийся школьник с гордым видом опытного ловеласа и покорителя женских сердец.

– Я тебя слушаю, – самодовольно сказала она, лелея надежду вывести сына в люди.

Старое черное трикотажное платье с желтыми пятнами от жира на животе обтягивало фигуру молодой, плотно сложенной, женщины. Волнистые волосы были тщательно причесаны и красиво уложены на пробор. Игривая челка приятно открывала лоб с мелкими родинками. На руках блестели электронные часы со стрелками и обручальное золотое кольцо, подаренное ей бабушкой. Она вспомнила о неприятных каждодневных обязанностях, от которых очень уставала, что ей надо еще сходить в больницу, отнести передачку, чтобы угостить свекровь фруктами. Она задумалась.

Тягостные мысли отвлекли ее от тщеславных забот сына. Она стала переодеваться в спальне за дверцей шкафа, не обращая внимания на свое обнаженное отражение в трюмо, стоящее напротив.

– У моей девчонки – выкидыш, – сказал он сходу.

– Она что, сделала аборт в больнице? – спросила сведущая Ольга.

– Да, когда пришла сюда к нам в гости позаниматься со мной, что она пропустила в школе, открылось кровотечение. Она весь диван кровью испачкала, когда появилась ко мне сама оттуда... – повторил он. – Мне пришлось ее до самого дома вести.

– Молодец! Доигрался! – у Ольги округлились глаза от удивления.

– Я не нарочно. Она сама ко мне навязалась, – вставил он.

– Не пушу с братом мотаться по берегу реки ночью. У нас не спокойно. Полицейский предупреждал, что находят трупы рыбаков-утопленников, всплывших после того, как утонули зимой в подтаявшем льду и полыньях... – сказала она часть полученной от полицейского информации и предупреждения: «Лучше следить за подростком, а то не ровен час, отобьется от рук».

У Сашки сразу отлегло от сердца. Он страшно боялся, что его привлекут за связь со щупленькой, смазливой, ярко покрашенной одноклассницей и другой своей подружкой, которая была старше его на год и постоянно критиковала своих родителей за нерасторопность. Он сделал вид, что задремал. Натянул на плечи покрывало, найденное на стуле.

– Ты опять уснул? Сейчас влеплю подзатыльник, – она не унималась, перейдя на фальцет. – Ты – лентяй. Мне надо заскочить в больницу, отнести фрукты бабушке. Пойдешь со мной? Ты и так продрых до обеда.

Она набрала холодной воды из ведра в кружку и плеснула на сына сверху вниз. Холодная струя воды немедленно заставила его вскочить на ноги. Он стал отряхиваться и вытирать воду

с кудрявых волос и лица. Вспомнил, как он с матерью и группой студентов-первокурсников ездили на экскурсию в Тарханы, по Лермонтовским местам.

Смотрелся он тогда еще необстрелянным юнцом, но проявлял жесткий самонадеянный характер. Они честолюбиво собирались со сводным братом съездить туда еще раз, когда он расхваливал на все лады природу тех мест: узкие овраги, заливные луга, изумительные дорожки, ухоженные клумбы, покрытые высаженными цветами, небольшой лесок, изящные мостики среди зарослей кустарника, где можно было заблудиться, ручьи с золотыми рыбками, сувенирный домик.

Девушки брата уговаривали их взять с собой туда, прогуляться по тенистым аллеям, посетить церковь, полюбоваться на восстановленный интерьер барской усадьбы, просторную избу прислуги и крестьянскую утварь.

– Пойду, – согласился он, когда вылез из подвала смущенный. – Что нести? – спросил он, отоспавшись и стряхнув с себя дрему.

– По дороге купим. Вот возьми сумку с халатом и сменной обувью. Помнишь, какие куличики бабушка пекла на пасху? – вспомнила она солнечные счастливые весенние деньки, чувствуя неотвратимость времени.

Она вручила сыну небольшой рюкзак.

– Да, объедение, – ответил он, надевая рюкзак на одно плечо.

– Надо бы тебя еще в спортивный лагерь отправить недели на две для поправки здоровья.

Вдруг чемпионом станешь, – снова предложила Ольга свой вариант воспитания сына.

Они вышли из дома в тенистый садик, а небольшой огород окаймлял обе стороны дорожки, которая вела прямо к Волге.

– Мам, я решил жениться, когда окончу школу, – сообщил Сашка по дороге в больничный стационар, где лежала его родная и любимая бабушка, которая постоянно баловала внука выпечкой.

– На той своей однокласснице, которую ты отводил домой после аборта? – спросила Ольга с отвращением, но деваться было некуда, поэтому пришлось смириться.

– Нет.

Она поняла, что характер у сына весь в нее – страстный и необузданный, способный на разные чудачества.

– На старшекласснице. Я ей уже предложение сделал. Она обещала меня вечно любить, – пояснил он, наивно полагая, что все трудности в семейной жизни и ухаживаниях уже преодолены.

– А родители согласны? – спросила она оторопело от такой очередной глупости сына.

– Мы ждем год и расписываемся. Она предупредила родителей, чтобы копили на свадьбу. Обменяем квартиру или переедем в наш дом. Потом мы купим новую комнату. Возможно, введем в однокомнатную квартиру, – высказал он свой сумбурный план.

– Спасибо, сынок, сообщил, – не слушая сына, сказала она.

Вечернее солнце еще не собиралось садиться. На деревьях золотыми искорками играли ярко-зеленые блики. Придорожный асфальт был белого цвета. Речная волжская гладь сливалась в единое целое с небом, разделяемым узкой полоской прибрежной полосы. Зеркало высоких пирамидальных тополей, рябин и берез напоминало о природном богатстве местности. Стаи уток и журавлей перелетали в заводях. Щелкали кузнечики. Стрекозы, шурша прозрачными крылышками, парили то над водной поверхностью, то над камышами.

Ольга с сыном поднялись к остановке автобуса, пошли вдоль дороги. Сашка был высокий, плечистый, смуглый, похожий на Маугли, с прекрасными внешними данными. Он всегда чувствовал себя лидером. Атлетически, по-взрослому сложен. Но глаза выдавали его задиристый мальчишеский темперамент, заносчивость и самоуверенность. Рот и подбородок говорили об отсутствии воли, желании выделиться. Он не терпел никогда сильной боли. В душе

он был добрым и наивным по сравнению со своим двоюродным братом, имеющим задатки кровожадного бизнесмена и авантюриста, который разъезжал на отцовском джипе. Девушки обращали на Сашку больше внимания и предпочитали его общество более чем брата.

Страшная сказка

Фатина теперь чувствовала себя значительно окрепшей и помолодевшей от изнурительных судебных разбирательств после своего бракоразводного процесса, раздела нажитой за двадцать лет супружества собственности. Ей отошла квартира родителей, дача и комната в многоэтажном доме, которую она собиралась продать, затем купить новый комфортабельный автомобиль и срочно заплатить за обучение младшего сына в юридическом университете. Она в шелковых брюках и блузке медленно, прогулочной походкой шла по лучезарному белому песку вдоль пляжа побережья Карибского моря, омывающего остров Гаити, рядом со своей семнадцатилетней внучкой Кларой, с кем пустилась в кругосветное путешествие в Доминиканскую республику полечить нервы и расслабиться. Средства на предполагаемую поездку нашлись ровно через четыре года упорного труда на ниве страхования от несчастных случаев в январе, когда изумительная белая Тойота уже стояла около подъезда.

Загоревшая Клара в бикини шлепала голыми ногами по воде так, что бриллиантовые искрящиеся брызги разлетались в разные стороны. Вдалеке раскачивались шлюпки местных рыбаков, чей небольшой улов омаров, лангустов, черепах, рыб шел на стол отдыхающим, а те благосклонно отдавали остатки хлеба для подкормки. Девушка иногда ныряла и доставала пустые раковины разной формы, переливающиеся перламутром. Поседевшая от переживаний, Фатина вспотела и любовалась природой лагуны. Она сильно загорела, а смуглая длинноногая Клара испачкала мокрым песком руки и живот, подставляя ноги и лицо утреннему солнцу

– Давай вернемся сюда на следующий год? – спросила неугомонная, избалованная девушка.

– Непременно, – ответила женщина и прошла в тень пальмы, раскладывая на песке свои пожитки: тонкую ткань для лежания на песке, бутылку с содовой минеральной водой, контейнеры с морскими продуктами, яркий зонтик, фрукты.

– Вот здорово! Значит, у меня будет опять фото сессия. Фотограф сказал, что вчерашние снимки войдут на этой неделе в номер, и он даже заплатит мне за них, – сказала Клара, громко рассмеялась и зачерпнула в ладонь воды, чтобы брызнуть на Фатину, стоя на берегу.

– Ты же хотела приехать к своему двоюродному дяде, а потом навестить отца? – спросила женщина, понимая свою ответственность за девушку.

Клара продолжала хихикать и брызгаться.

– Что с тобой? Ты что-то еще скрываешь от меня?

Фатина была дотошной как ее отец. Он работал следователем, но после тщетного раскрытия криминала – изнасилования и убийства молодой женщины, чей обнаженный труп был найден в лесополосе, дело передали его коллеге, который быстро отыскал женатого, бездетного шофера из того же городка, виновного в содеянном. Тогда отец Фатины не сумел найти преступника, поэтому вскоре перешел консультантом в крупную строительную компанию. Дочь мечтала, чтобы ее сыновья тоже стали юристами.

– У меня есть идея! – воскликнула Клара жизнерадостно.

Она покраснела от сильного загара до самых кончиков пальцев ног. А Фатина попала на удочку девушки, мечтавшей заинтриговать любого, чтобы привлечь к себе взгляды публики, интерес фотографов, режиссеров, сценаристов и сделать карьеру в киносъемке.

– Внимание, снимаю! – закричала она, вытащив из сумки кинокамеру в качестве удобного способа сохранить воспоминания о незабываемом отдыхе среди тропических джунглей с изобилием бананов, ананасов, фиников, кокосов, манго, авокадо и маракуй.

– Ты случайно не влюблена в здешнего бармена? – серьезно озадачила Клару Фатина, которая сама была в бешеном восторге от ухаживаний местного населения.

Загорелые услужливые аборигены в бриджах нравились всем приезжим богатым туристам своими обходительными манерами.

– С чего бы это? – спросила девушка, не зная, как объяснить свое нелепое поведение.

Сейчас она почувствовала, приветливый, но стальной присмотр за собой, что мешало ей расслабиться и говорить правду. Специально она фантазировала, а Фатина вглядывалась в лицо девушки, угадывая в нем свои черты в молодости.

– Перестань притворяться наивной. Я вижу тебя насквозь, – серьезно констатировала Фатина, лежа на песке под пальмой. Оливковые глаза у нее потемнели, ресницы опустились, она отбросила непослушную прядь волос со лба.

– Я не вру, – со слезами проговорила Клара, спрятала камеру в пакет. – Пойдем, поныряем...

– Иди, но недолго... – предупредила она. – Ты не боишься акул? – Фатина в который раз задала один и тот же вопрос, как в первый день появления на пляже.

– Боюсь. Но они у меня дрессированные... – пошутила Клара, чтобы не огорчать бабушку, чей присмотр она выносила с удовольствием.

– Помнишь фильм, о котором я тебе рассказывала в самолете, «Челюсти»? – спросила снова женщина. – Действие происходило где-то недалеко отсюда... – сказала она, вспоминая содержание фильма.

– Ну, это же кино! Да и рыба была искусственная из пластмассы, раскрашенная под настоящую хищницу, – объяснила девушка забавно.

Клара бросилась в прозрачную воду смыть с себя тяжелые подозрения во лжи. Она разозлилась на то, что сама навлекла на себя гнев. Глубоко нырнув, проплыла метров пять, вынырнула и пожалела, что не захватила с собой акваланг из бунгало. Лень было тащить, а местный грум был занят наполнением бокалов всевозможными экзотическими соками и колкой льда. Она заплыла в море на возможно дальнейшее расстояние, огороженное от берега поплавками на веревке.

«Какой кайф!», – подумала Клара и помахала Фатине рукой.

– Плыви назад, – крикнула ей Фатина в ответ, откинувшись на шезлонг, предоставленный обслуживающим персоналом.

Время подходило к одиннадцати. Туристов на пляже было единицы. Все пожилые люди в шляпах прятались в тени, намазанные солнцезащитным кремом. Расспросы о личной жизни Фатины закончились давным-давно, но она в уме продолжала отвечать на вопросы навязчивого адвоката, которого нанял бывший муж, так как тот же персонаж драмы стал впоследствии ее любовником, предложив ей грязелечение, как поощрительный приз, чтобы полечиться, за ее вознаграждение, но она выбрала кругосветный перелет через океан.

«Дорого да мило!» – подумала она, искренне надеясь в успех предприятия и веря в свою давнюю мечту – побывать здесь.

Клара выбежала из блестящей воды. Она поняла, что не следовало столько брызгаться и злить бабушку. Запомнить все эти непростые правила поведения, и житейские хитрости было выше ее сил. Она любила только сниматься и позировать.

– Сколько можно плавать? – окончательно смягчившись, разомлев на солнце, спросила Фатина, загадочно улыбаясь, как Мона Лиза, вставая с песка.

Она протянула Кларе пушистое махровое полотенце.

– Чувствую себя замечательно! – снова воскликнула девушка, и все взоры парней обратились к ней.

Двое молодых людей подошли ближе к Кларе. Они указали на четырехместный пятиметровый катамаран, покачивающийся на волнах невдалеке. На английском языке один из них пригласил присоединиться к их небольшой компании покататься. Они искали любителей приключений. Клара, не обращая внимания на Фатину, которая уже уснула, накрытая парео, мах-

нула головой в знак согласия и последовала за спортсменами к берегу. Через минут пять к ним подошла их загорелая подруга в черном резиновом костюме с маленькими веслами. Она раздала каждому по веслу. Компания из четырех человек доплыла до катамарана, взгромоздилась сверху, и без усилий они поплыли по воле волн, держась за паруса гоночного катамарана олимпийского класса.

– Не надо портить сладкие последние часы пребывания в райском местечке жуткими репортажами о терроризме и джихаде... – сказала элегантная бабушка внучке, с усердием вытираясь махровым полотенцем с незатейливым вышитым орнаментом, – а то я не усну. Немедленно выключи, – продолжила Фатина ворчать, когда Клара переключила случайно музыкальный канал на новостной, где появились сообщения о беженцах, предпринятых взрывах, террористических атаках, заложниках, массовых расстрелах и зверствах.

Обе умиротворенные лежали в бунгало на циновках, укрытые простынями. Кондиционер тихонько работал.

– Ты куда-то исчезала на пляже или мне показалось? – недоумевала Фатина от внезапного исчезновения Клары из ее поля зрения.

– Нет, тебе показалось, – снова солгала Клара, обмахиваясь веером, купленным у торговцев на рынке.

– Ты такая хитрая. Вся в меня в юности, – одобрила Фатина.

Ей было приятно, что девушка создает дополнительную вентиляцию.

В аэропорту Клара прошла таможенный досмотр. Она уже стояла в зоне вылета, дожидаясь появления бабушки, которую задержал дотошный полицейский. Он с предвзятым любопытством разглядывал паспорт женщины, а у той вместо улыбки на лице появилось озабоченное выражение.

Туристы проходили медленно. Пограничник что-то долго говорил по телефону. Появился еще один полицейский в кабинке. Он стал переводить слова первого таможенника Фатине. Вылет на родину затягивался. Самолет оказался вне ее компетенции.

– Вам предъявлено обвинение в поддержке запрещенной в нашей стране организации, – констатировал он сурово.

– Но у меня через полчаса вылет, – забеспокоилась Фатина, обливаясь потом. – Меня ждет семья, – сказала она, озадаченная внезапным арестом.

– Поступило новое сообщение о чем-то предосудительном. Вам придется задержаться на некоторое время, – сказал он.

– Пока мы выясним все подробности вашего прошлого, – добавил переводчик.

– Никакого прошлого у меня нет, – стала оправдываться женщина. – Я требую адвоката.

– Пройдемте с нами в переговорную комнату, – предложил таможенник. – Португалка очень настойчиво требует адвоката.

– А мои вещи? – перебила его Фатина, ускоряя шаг на бег.

– Все вещи получит в аэропорту ваша подруга, – ответил полицейский рассудительно.

Когда таможенник назвал Клару подругой, у Фатины похолодело под ложечкой. Ей вспомнились семь счастливых дней на берегу.

«Что за черт!» – возмутилась в душе арестованная женщина.

Отдохнувшая Клара летела домой без родственницы. Все вещи – свои и Фатины – она забрала с разрешения сотрудников аэропорта. Оттуда она позвонила матери, и та часа через два встретила дочь с распростертыми объятьями.

– Что произошло? Объясни? – потребовала женщина с чувством такта, понимая свою беспомощность.

– Бабушку арестовали на время, но она должна скоро вернуться. Об этом никому не говори, – еле слышно сказала Клара, когда села в машину, и они поехали в направлении дома.

Дня три Фатина находилась в специально отведенном только ей помещении со всеми удобствами для туристов. Женщине предложили обедать и ужинать теми же фруктами и овощами, которые она уже пробовала в бунгало. В тот же день появился адвокат. Им оказалась американка лет сорока с золотыми украшениями на руках. Разговаривали они через опытного в таких делах переводчика. Посетительница представилась, а затем объяснила задержанной претензии полицейских к Фатине, чтобы та оформила договор на поддержку в суде.

– Хорошо, я согласна оплатить ваши услуги с условием, что меня отпустят на свободу в ближайшие дни и разрешат общаться с родственниками, которые перешлют мне деньги для вас, – предложила Фатина вариант перемирия.

Она была вся в нервном напряжении.

– Гаагский суд отказался вас защищать, – перевел микрофон, вставленный в наушники.

– Ужасно устала ждать вас. В чем меня обвиняют? Пожалуйста, скажите мне конкретно? – спрашивала настойчиво подозреваемая, тон Фатины сменился на вежливую просьбу защиты своих прав от законных посягательств полиции. – Кто-то еще знает о моих просьбах?

– Пять лет назад вы, а точнее госпожа... – в микрофоне закашляли, пытаясь произнести правильно все буквы фамилии, – вы сдавали квартиру главному лидеру запрещенной в мире террористической организации, который скрывался на территории вашей страны. Об это доложило Федеральное бюро расследования преступлений США.

– Это не правда... Что? – переспросила женщина в недоумении, пытаясь воспроизвести в памяти события пятилетней давности.

– Вспомните. Я буду работать на вас, поддерживая с вами контакты, – заботливо сказала американка.

– Кто знал, что тот старик джихадист... – бросила на прощанье арестованная по статье связи с террористами.

Адвокат спокойно отсоединилась от нее и ушла. Целый день Фатина размышляла. Наконец поняла, о чем шла речь. Воспоминания как в тумане душили ее своей изощренностью и сарказмом. Тогда она пустила на временное проживание в свою комнату в многоэтажке пожилого мужчину за очень приличные деньги.

Тот подвернулся ей случайно на рынке, когда она самостоятельно развешивала объявления о сдаче жилья, чтобы сэкономить на государственных посредниках. К ней подошел такой грязный и замызганный старик, что она сразу от него отшатнулась. Но он, грубо сорвав объявление Фатины, написал ей английскими буквами на обороте того же листа: «Good». Она с неохотой повела его к себе в сдаваемую комнату. Там они поднялись на лифте, зашли в комнату. Соседей дома не было. Старик сразу разложил вещи. Из небольшого рюкзака достал ноутбук, лег на кушетку. Потом встал. Покопался за пазухой. Отвернулся, отчитал что-то. От него разило конским пометом. Он положил кругленькую сумму перед Фатиной и, улыбаясь, стал гладить Фатину по руке. Она еле отделалась от него таким образом.

Подробности она не помнила, но точно знала, что интимного контакта не было у нее с этим облезлым типом. Она потом подсчитала сумму. Оказалось, что старик аккуратно внес всю плату за три месяца с предоплатой.

Платил он регулярно, когда она приходила за деньгами, но никогда с ней больше не общался.

Она сразу решила, что он глухонемой и снисходительно относилась к его причудам. Весь год она жила без проблем со здоровьем. А потом «дорогой» постоялец съехал, а она продала эту злосчастную комнату очень выгодно через агентство.

Целый рой воспоминаний пронесся в ее больном мозгу, когда она ночью кляла себя за проделанную давным-давно глупость. За ней никто не приходил и не требовал платы за проживание. Дверь была глухая. На следующий день предприимчивый адвокат принесла анкету с вопросами обо всех подробностях того периода в интимной жизни Фатины.

– Но кто же мне об этом докладывал. Я ничего не знала о его прошлом и всем остальном, – подтвердила Фатина обвинение. – Вы мне верите? – спросила она чуть не плача.

– Итальянские власти тоже отказываются принять вас госпожа Фатина, – так адвокат стала кратко называть несчастную женщину, задержанную в качестве подсудимой. – Мы напишем опровержение, снимем с вас часть вины.

– Мне нужно вернуться на родину, – сказала подозреваемая членораздельно, вспоминая, что в таких случаях делают с преступниками.

– После суда, вас поместят в тюрьму. Оттуда по почте мы направим в вашу страну запрос. Возможно, они согласятся пойти с нами на контакт. Надо привлечь ваших близких родственников, – как могла, успокаивала адвокат, каждый раз появляясь в новом брючном костюме.

Метафизика

Поздравления юбиляра с присвоением ему звания Народный артист сыпались как из рога изобилия. Он сидел во фраке и белой бабочке в левом углу на авансцене, среди корзин с живыми цветами, а на столе стояла раскупоренная бутылка шампанского и фужер. Артист с увлечением декламировал и зачитывал совершенно новые поэтические произведения и отрывки из пьес. Иногда на экране возникали эпизоды из фильмов с его участием.

Прямо напротив него в зале ближе к сцене, держа мужа за руку, возвышалась статная фигура девушки. Она с упоением наслаждалась декламацией. Иногда ловила восхищенные взгляды зрителей на сцену, храня торжественное молчание. Юбиляр был ее бывшим поклонником, с кем ей пришлось побывать почти на всех спектаклях драматического театра.

Худо-бедно, а классических произведений хватало, чтобы нанять директора, охранников, обслуживающий персонал, билетеров, кассиров и распространителей. А труппа могла бы сыграть даже на открытом воздухе любой финал трагедии, драмы, а возможно и комедии Шекспира. Никому не хотелось омрачать свое одинокое странствие в мире сценического искусства.

Проводниками туда были умудренные опытом режиссеры, раздавая актерам роли направо и налево изначально уверенные, что ведущий состав совершит метаморфозу за неделю, озарив рампу своими талантами.

Кто бы из толпы не вопрошал о лишнем билетике на бенефис, все сумели проникнуть в зал. Мажордомом, в лице юбиляра, были сделаны невероятные усилия, собрав всех своих прежних знакомых среди городской интеллигенции. Он гениально распорядился казной своего дарования.

– Я зачитал вам, уважаемые зрители, последний свой отрывок, который сочинил сам. Посвятил данный опус моей возлюбленной музе, – закончил артист свое выступление.

Он встал с кресла и демонстративно поклонился. Шквал аплодисментов огласил полный зал. Та самая красавица – муза артиста, кого так высоко превозносил счастливый юбиляр, подлетела к нему из зала с ярким букетом роз, вручила, волнуясь. Артист с поклоном принял букет. Он, покачиваясь, опустился опять в кресло.

– Покорно благодарю тебя, Зоя, – сказал он еле слышно.

Видно было, как с левой стороны зрительного зала, зрители побежали по проходу с букетами вслед за предыдущей поклонницей. Девушка вернулась на свое место, села рядом с мужем. Народный артист прозрачным взглядом обвел зрительный зал. На лице у него появилась испарина.

– Спасибо за признание, за любовь, – тихо сказал юбиляр. – Буду работать... – он запнулся.

Кто-то из присутствующих отметил:

– У него слишком бледный вид. Может быть ему плохо. Есть в зале доктор? Немедленно надо измерить пульс.

– Есть, есть, – прокричали с балкона.

Через минуту над центральным персонажем действия, окруженного цветами, склонился молодой мужчина. Он уже держал руку актера у запястья, измеряя сердечный ритм. Суэта и хождения по проходам показывали, что можно идти в гардероб и одеваться.

Занавес закрылся автоматически. Врач расстегнул воротничок, ослабил галстук страдальца. Кто-то из администрации набрал номер скорой помощи, чтобы больного с сердечным приступом отвезли немедленно в больницу.

Юбиляр был все еще без сознания (теперь он лежал, откинувшись на банкетку), когда бригада медиков с носилками появилась на сцене. Третий акт бенефиса занятно увлек всех действующих актеров театра своей непредсказуемостью. Приглашенные для исполнения своих

номеров альт и сопрано беспрестанно пожимали ослабевшему юбиляру руки, как бы прощаясь навеки со своим коллегой, повалившемуся без видимых причин в шоковое состояние. Красивый, с шевелюрой роскошных волос, тенор положил под голову, лежащему артисту, подушку, найденную в реквизите. Врач странно и угнетающе смотрел за происходящим.

– Наконец-то приехали по вызову! – пронеслось среди присутствующих известие.

– Отойдите подальше от больного, – сказал строго врач в синем форменном костюме.

Кто-то из появившихся медиков стал делать искусственное дыхание пациенту, а все статисты посторонились в углы сцены, надеясь, что признаки жизни вернуться к артисту.

– Умереть на сцене в рассвете лет... Как это романтично... – прижимая руки к груди причитала билетерша, обращаясь к администратору в черном платье.

– Он много сделал для искусства, – посочувствовал тот.

Носилки спустили с лестницы и через фойе поднесли к машине скорой помощи. Плащ, шляпу и шарф передали сидящей в машине женщине – жене юбиляра – присутствующей среди приглашенных гостей торжественного вечера. Она горестно взяла предметы туалета. С какой-то непоколебимой грустью и отчаянием положила все рядом с мужем.

Вечер был холодный. Осенний дождь моросил беспрестанно, разгоняя брызги от автомобилей в разные стороны. В сквере театра опустело. В машине было трое человек, исключая шофера. Публика высыпала из дверей и безмолвно провожала своего любимца. Порывистый октябрьский ветер срывал листья с парковых осин и березок, разбрасывая оранжевое кружево вокруг театра. По-осеннему было горько и томительно. Чувствовался небольшой морозец. Было настолько печально, что у жены навернулись слезы. Она разглядывала супруга, вопрошая себя в испуге:

«Как такое могло произойти? У него никогда не было сердечных приступов».

Люди расступились полукругом. Карета скорой помощи завелась и понеслась в ближайшую клинику. Актер, попавший на свой юбилей и на похороны одновременно, казался совсем старым и дряхлым – лет семьдесят – на носилках рядом с посеревшей от горя женой, хотя на самом деле ему было шестьдесят. Он едва ли рассчитывал произвести такой фурор, задолго готовясь к предполагаемому бенефису.

Актером он был феноменально талантливым, по-молодецки всегда бодрым, веселым, жизнерадостным. Любил ухаживать за молоденькими девушками и часто так увлекался комплиментами, что таскал за собой целую свиту поклонниц, на ходу раскрывая и объясняя секреты актерского мастерства.

Он долгое время преподавал на актерском факультете, потом вдруг перешел на режиссуру, помогая приезжим из дальних уголков поселиться в общежитии и продвигаться своими силами на сценических подмостках. Многие его ученики заняли достойное место среди столичной молодежи: кто снимался в кино, кто в театре, кто уехал на гастроли, кто готовился поступать в аспирантуру – все продвинулись благодаря его участию. Обладая неистощимой фантазией, он придумывал все новые и новые авансцены.

Квартира у него была большая. Там царил мир и порядок, благодаря усилиям молодой жены и детей. Вел он пуританский образ жизни. Приучил себя бегать по утрам, заниматься в тренажерном зале, по вечерам посещал бассейн. Летом никогда не пропускал гастролей. Даже подумывал обзавестись собакой, но боялся, что животное умрет от тоски и одиночества.

Костюмерши и гримеры любили работать с ним. Он сам подбирал себе костюм для роли. Пел, играл на фортепиано, гитаре с отчаянием профессионала.

Сейчас его красивый облик придавал силы жене – актрисе того же театра – справляться с невероятной утратой, потому что в фойе дежурный врач констатировал смерть бенефицианта от укола отравленной иглой, спрятанной в букете. Но все цветы перепутались, пока происходило замешательство, и врачи сомневались, что предпринять в таком тяжелом случае: везти

тело в морг или сразу вызвать полицию и отправить тело на экспертизу. Что, по сути, было одно и то же.

В полиции жена написала категорический отказ от начала уголовного расследования.

– Пожалуйста, не надо ворошить прошлое. Ему и так много пришлось перенести трудностей в профессиональной карьере и жизни, – сказала она.

– Что ж, ваше право, – добавил появившийся дежурный следователь подобострастно. – Мы вернем тело через два дня. У нас такой порядок – получить заключение эксперта.

Полицейский красноречиво посмотрел на женщину. Она прониклась уважением к его искренним словам.

– Спасибо, – закончила она. – У меня есть запись всего бенефиса. Под самый конец боялась, что не хватит места для заключительных кадров. Могу показать.

Она достала кинокамеру и протянула полицейскому. Тот написал расписку об изъятии.

– Вернем сразу после исследования. Нам нужно метафизическое изучение предметов, – философски проговорил полицейский, покусывая верхнюю губу. – Судмедэкспертиза установит точно, кто совершил это правонарушение со смертельным исходом.

Снедаемая ревностью к представителям закона, жена покинула морг, намереваясь через положенное время явиться и забрать тело для похорон.

– Какой-то кошмар творится вокруг талантливых людей, – сказала она с чувством досады и сожаления.

Когда полицейские установили что-то конкретное относительно состава преступления, собрали справки и заключение экспертизы, они вызвали всех сотрудников и актеров из труппы театра, кто видел, куда были выброшены подаренные букеты цветов.

– Все цветы были сохранены, их отнесли за сцену, – в один голос отвечали свидетели и поклонники Мельпомены

Несколько солидных офицеров из районного подразделения в полицейской форме и перчатках с собакой разгребли засохшие бутоны, оставленные в гримерной юбиляра. На глаза попался слегка помятый букет гардений, аккуратно упакованный в целлофан. В нем обнаружили специфический флакончик в виде желудя, но с шипами, привязанный к самому низу букета для подпитки растений.

– Есть ли заключение экспертизы, – заглядывая к себе в ай-пад, спросил тот же следователь, которому поручили расследование этого каверзного случая, у судмедэксперта на следующий день на летучке.

– В красивом флаконе были капли яда гремучей змеи или ядовитого дерева, чье название представлено в стихотворении «Анчар» великого русского поэта – Пушкина, – урезонил специалист в области химии.

– Это из школьной программы? – озадачил полицейский своих коллег.

– Вроде бы, но современное латинское название звучит несколько по-другому, – пояснил судмедэксперт.

– Жена актера просила не придавать дело огласке, – посочувствовал следователь по делу.

– Такой дикий способ был придуман древними индейцами, когда они намазывали копья и стреляли ими в конкистадоров, – возразил эксперт. – Надеюсь, что у нас не произрастает такой романтический вид умерщвления.

Этот случай был тщательно изучен криминалистами. Обладательницу такой изощренной смерти нашли по киносъемке на камере видеонаблюдения.

Ей оказалась та самая поклонница – Зоя, которая самая первая преподнесла цветочки, наполненные дремлющей смертью. Девушка немедленно постаралась сменить имидж, надев черную рясу. Она ушла под лоно церкви, где надеялась смыть свой грех. Но, не смотря на это, ее арестовали безотлагательно в течение недели рано утром до службы, когда пришли к ней домой с обыском.

– Мы хотим проверить есть ли у вас еще этот сильнодействующий яд? – спросил следователь, разглядывая семь мраморных статуэток слоников на полке, реставрированного и покрашенного лаком, дивана.

– Вот, что видите... – ответила девушка без тени сомнения в своей невиновности. – Можете приступать...

– За этим мы пришли к вам, – поблагодарили полицейские, начав осмотр квартиры.

Они осмотрели обои, морозильную камеру, заглянули на балкон, пошарили на антресолях и за батареями. Среди косметических наборов нашли две упаковки французского парфюма наполовину начатых и один маленький пузырек наливных духов. Эти вещественные доказательства передали судмедэксперту тут же в тесной прихожей. Он аккуратно спрятал все химические препараты в сумку.

– Что-то на ладан не похоже... – разглядывая вещественные доказательства, сказал эксперт. – А карболка в квартире или кофе имеются? – спросил он назойливо как пчела.

– Могу предложить только кофе, – засуетилась Зоя на кухне, подметая пол черным одеянием.

Она поставила на кухонный стол две чашки и металлическую банку с кофе «Мокко». Затем принесла из комнаты бумажные салфетки и цветную скатерть. Согрела электрический чайник, насыпала кофе в три чашки и поставила на стол хрустальную вазочку с трюфелями и сухариками.

– Мы хотели отбить запах духов, чтобы правильно оценить содержимое стеклянных колб, а раз так, то пить утренний кофе будем из одной чашки, – подозрительно сказал следователь, щурясь от лучей солнце внезапно проникших на кухню через окно без штор.

Эксперт, скучая после проделанной работы, смотрел по сторонам, наблюдая, как Зоя с притворным безразличием что-то напевала.

– Думаю, лучше сравнить все эти напитки, мужской одеколон и духи с тем, что ты преподнесла юбиляру, – лицемерно настаивал эксперт, разглядывая этикетки на жидком мыле, препаратах, каплях, найденных в ванной комнате.

– Разве нельзя пользоваться дорогой косметикой? – спросила Зоя, оправдываясь, теребя ручки дорожной сумки, как раз собираясь сбежать из города в костюме инокини.

– Пока задержитесь. Вот тебе повестка о не выезде. Но, кстати, ты была любовницей или просто поклонницей актера? – срочно доставая из кармана телефон, снова спросил следователь.

Он закончил слушать вызов. Внес к себе в ай-пад какие-то адреса. Бегло осмотрел комнату, храня молчание.

– Жили в гражданском браке около полугода. Он закатывал постоянно скандалы и ревновал меня к каждому ухажеру. Но сейчас у меня есть печать в паспорте. Я замужем за... – она показала штамп в документе, раскрыв перед носом следователя паспорт, а потом убирая в тайный карман платья.

– Ну, ладно заканчиваем осмотр. Но тебе придется проехать с нами, Зоя... – предложил полицейский, который так и хотел добавить «отравительница», но из соображений такта промолчал. – Вещи пока можешь оставить дома.

Втроем они сели в машину и поехали по направлению ближайшего отделения полиции. У Зои было скверное настроение. Она сжимала руками черное платье. Периодически расстраиваясь, что новоиспеченный муж накануне уехал на гастроли и приглашал ее подъехать к нему.

Жалеть или плакать о случившемся инциденте ей не хотелось, поэтому она сердито смотрела по сторонам, следя за дорогой, и, что-то шепча, перебирала четки.

На утреннюю службу она уже опоздала из-за полицейских, появившихся у нее в квартире и проторчавших битый час. Кофе оставленный на столе давно остыл. Билеты на самолет она надеялась когда-нибудь сдать и перенести свой вылет за границу на другое число.

«Сегодня по гороскопу не мой день!» – Зоя решила с грустью, ностальгически взглянув на часы.

Примирения с собой она так не достигла, потеряв всякое бrenное желание участвовать в светских мероприятиях и тусовках. Ей хотелось углубиться в мир метафизики.

Крутые горки

*...Я сидел у окна в переполненном зале,
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.*

А. Блок

«Если вы пришли в ресторан не один, а с женщиной, то (если это зимний или осенне-весенний сезон) у раздевалки помогите своей даме снять пальто и только после этого можете раздеться сами. Причем при входе в вестибюль ресторана вам следует снять головной убор, отдать зонт швейцару. Так обычно поступают в ресторане, в театре, концерте и др.» – Коляфинка читал правила поведения в общественных местах, зевая и перелистывая взятую на прокат у соседей этажом выше книгу, в блестящей синей обложке и большого формата, что ему особенно нравилось.

Отбыв срок за непреднамеренное убийство чугунной кувалдой своего напарника во время смены на заводе, он откинулся с зоны и пришел домой с видом хозяина полуподвального помещения, где проживала его сожительница, родившая мальчиков-двойню, похожих друг на друга, как две капли воды.

Дети постоянно находились в детском доме, так как гражданская жена Коли – Валя работала на местной трикотажной фабрике. Звеньевая Тося угодливо разговаривала с ней, глядя снизу вверх, потому что ростом Валя удалась. Свою работу женщина знала отлично и пользовалась уважением в коллективе. Она надеялась после детдома в первый класс отдать близнецов в ближайший интернат, как сделали все ее единомышленницы по работе. Она постоянно рассказывала об этом каждому встречному-поперечному, надоедая своими слащаво-слезливыми историями соседям по верхним этажам коммунального дома, бывшей аптеки, но переделанного под жилье.

О таких каменных строениях прекрасно сказал Гоголь, как о Собакевиче, «нескладно скроен, да крепко шит». На втором этаже стандартного строения с коммунальными комнатами со двора был большой деревянный балкон из коридора и кухни. Над балконом слышалась воркотня голубей. В надстроенных сараях, где раньше была голубятня, во дворе проживал, вернувшийся недавно из армии, солдат-срочник, устроившийся работать на рынок мясником, обустроивший себе в постройке притон из трех клетушек. Собак в доме не водилось.

Правда один раз появилась маленькая шавка у тюремного надзирателя и работницы Молкомбината по соседству с интеллигентными, тихими, провинциальными служащими, которые сменили мебель, снабдив ею Валю. Собака как-то выбежала на общую кухню, залиvisto лая. С разгона стукнула носом в ногу пятиклассницу – дочку служащих – в первый день сентября, когда ребенок явился из школы с радостным видом и сообщил о начале учебного года.

Девочка испугалась и вскрикнула. Тут же все домочадцы высыпали на общую территорию, исключая подвального помещения. Они стали обсуждать неподвиженный случай.

Собаку отвели, куда следует, а ребенку пригрозили сделать сорок уколов в живот. Других неожиданных событий не происходило, за исключением найденной случайно в углу кухни первого этажа, за столом продавщицы овощного магазина – Тамары – дохлую, разложившуюся крысу. Немедленно вызвали санэпидстанцию. Проведи дезинфекцию помещения с кафельным потрескавшимся полом – бывший зал для посетителей аптеки, где можно было танцевать, что они иногда делали, справляя свадьбы двоих совершеннолетних детей тюремного надзирателя и работницы Молкомбината.

Однажды продавщица Тамара потеряла золотую серьгу с большим рубином. Следом за этим у соседки из маленькой семиметровой комнатки, недавно вселившейся туда со своим молодым мужем случился приступ эпилепсии прямо на кухне, когда она готовила обед.

– Немедленно надо вызвать скорую помощь, – посоветовала одна из жиличек – жена служащего.

Телефон находился только в военном госпитале через дорогу, то туда послали саму говорящую об этом. Всех детей удалили из кухни и своими силами справились с упавшей на пол женщиной, получившей небольшие травмы. Скорая помощь отвезла ее в больницу. А соседи стали говорить, что это произошло из-за того, что она нашла золотую серьгу, потерянную Тамарой, отнесла ее в скупку, получив небольшие деньги. Вместо того, чтобы честно вернуть владельцу и мирно сосуществовать. Квитанцию молодой супруг нашел, показав всем взрослым соседям на общей кухне в развернутом виде, как доказательство вины своей припадочной супруги.

Пока та лежала в больнице, он, вместо того, чтобы посещать больную, не теряя время даром, сошелся с женщиной с противоположной стороны улицы. После чего она забеременела.

Затем в семиметровку въехала пенсионерка с внучкой. Вскоре появилась другая жиличка с вредными привычками полоскать белье с хлоркой, развешивать на кухне, что никому не нравилось, но приходилось терпеть присутствие сырости. Из кухни дверь вела в обширный дворик с мусорным ящиком, аккуратно побеленным и с разложенными листами клейкой бумаги для мух.

Комната Вали, проживающей в полуподвале, по случаю предоставления ей руководством фабрики жилплощади за перевыполнение плана по пошиву спортивных костюмов, представляла собой обычное складское помещение, дверь открывалась без скрипа. Одна кровать и стол стояли по углам. Два стула и антикварный, продавленный, бархатный, черный диван с вензелями были принесены из двора с большими трудностями. Кто-то из соседей решил заменить мебель на удобную и современную.

Коля-финка был очень высокий, упирался головой в притолоку. Он имел спортивные достижения на стадионе, чем понравился Вале, где они познакомились. Он едва ли помнил тот праздничный майский вечер, когда за деньги он поспорил на улице с девушкой, что поставит мировой рекорд по бегу.

Они с компанией пришли на стадион, сели на трибуны, распили бутылку пива. Коля снял, купленную приемным отцом, майку. Отдал друзьям. Он попросил считать вслух и побежал стометровку. На самом деле результат оказался лучше, поэтому у Вали загорелись глаза от изумления.

Первый проступок – стал сожительствовать с девушкой – работницей трикотажной фабрики, он совершил на другой день после окончания интерната, когда его направили на завод учеником слесаря и подсобным рабочим. Вскоре, буквально через неделю, когда при разговоре другого рабочего с мастером-наставником, тот хвалился, что если работать без прогулов, можно отлично заработать, Коля специально замешкался. Он краем уха услышал, что у опытного мастера-наставника есть в кошельке хорошие деньги за работу в предыдущем месяце. Коля наглядно увидел, как мастер расплачивался в столовой за обед и задал себе первый в жизни вопрос: «Почему у меня нет сейчас таких денег?»

– Коля, а ты что будешь заказывать? – спросил опытный рабочий у него, когда они пришли в заводскую столовую в перерыв на обед.

– Вот котлеты и щи, – ответил, вступавший в жизнь, ученик.

– Платить есть чем? – иронично спросил его мастер, завидел, что ученик растерялся.

– Нет, но могу завтра отдать, – ответил ученик. – У меня денег сегодня нет, – пояснил он.

– Завтра-то, завтра, – передразнил наставник, – а надо сегодня! – хрипло процедил следом. – Заработаешь, будешь, как все мы питаться в столовой...

«Убил бы такого наставника», – пронеслось у Коли в голове. «Имею право питаться хорошо и сейчас. Только улучу момент!» – созрел у ученика коварный план.

«На мастера у меня пока руки коротки, да и схватят сразу. Вот сменщик, видать по характеру, даже зарабатывает больше мастера, а хлюпик-хлюпиком», – вспомнил ученик своего сменщика – крепкого парня, чуть старше ученика.

«Свалю с завода с хорошими деньгами», – мелькнула у Коли криминальная мыслишка, не задумываясь о последствиях.

Имея взрывной характер и высокий рост, он не стал дожидаться зарплаты. Решил отметить свою свадьбу, но, чтобы бесплатно. Он хотел потешить свое честолюбие и желание процветать за счет обычного среднего обывателя. После смены в коридоре он подкараулил своего сменщика, который проработал уже пять лет в стенах завода, явившегося в цех вовремя, на полчаса раньше, чтобы подготовиться к смене: переодеться, разложить вещи.

Они вместе зашли в раздевалку. Коля кувалду принес заранее и спрятал под скамейку. Он нехотя переодевался в будничную одежду, сложил в шкафчик, посматривая, как сменщик располагался, раскладывая по-хозяйски вещи по полочкам. Выждал, когда тот отвернулся и готовый приступить к работе вышел из раздевалки. Первый шаг, сделанный сменщиком в коридоре, оказался последним. Ученик размахнулся и со всего маху ударил сменщика сзади чугунной кувалдой, предназначенной для забивания штырей в рельсы. Тело заташил и оставил в подсобке. Он порывлся в вещах убитого, нашел кошелек. Деньги из кошелька на бутылку водки и закуски он взял себе. Потом он выбежал из проходной завода с радостным выражением лица. На улице он отряхнулся и вразвалочку отправился на рынок. По ходу заглянул в пивную и выпил кружку пиво.

«Ну, теперь я богатый», – подумал, совершивший наглое убийство, молодой человек, чья судьба только начинала разворачиваться.

Когда пришли его цеховые товарищи в тот же день, они немедленно вызвали милицию. Тело сменщика отправили в морг. Нашли в подсобке под деревянной лавкой орудие преступления со следами крови на тыльной стороне. Колю арестовали поздно вечером на глазах у испуганной Вали, когда сожитель допивал водку, налитую в граненый стакан, сидя на стуле в общежитии для работниц швейной фабрики, закусывая соленым огурцом, купленным им на базаре, чтобы угодить сожительнице.

Она навещала из любопытства своего «хахалю» на суде. И потом бегала к нему, так как добивалась снисхождения у судьи, чтобы ее уголовного не отправляли далеко. Чего, к всеобщему удовлетворению, не произошло. Несколько раз она ездила к нему на свидания в места лишения свободы и забеременела двойней.

Куда съехала Валя сначала из общежития в подвал, а из подвала в однокомнатную квартиру, казенный или частный дом со всеми своими нажитыми вещами без детей, никто из соседей коммуналки, где она проживала прежде, не знал. Все оставалось у нее в кромешной тайне, кроме того, что, когда Коля появился в «комфортабельном» подвале после зоны, она горячо делилась с соседями своими пожеланиями и хвалилась, какой у нее сожитель стал плохой:

– Нигде не работает, денег не дает, ругается. Испортился.

Двумя рюмками водки Валин сожитель – Коля-финка — опохмелился после вчерашнего загула, сидя во дворе.

«Устраиваться надо на работу, а потом пойду с друзьями отмечу свое появление в свете», – рассуждал он трезво. «Милиция на постоянную работу препроводит. Можно не волноваться».

Вышедший из запоя Коля-финка (погоняло ему прилепили в тюрьме за высокий рост и силу) туманно соображал, что книгу о правилах хорошего тона придется возвращать.

Под вечер он протрезвел, поднялся с продавленного дивана, набросил на себя синюю трикотажную кофту, подаренную сожительницей в честь его появления. Он взял, изученный

с большим трудом, фолиант недочитанной книги. Вышел из подвала, где раньше хранились лекарства, по лестнице на первый этаж. Прошел небольшим коридорчиком мимо двух комнат тюремного надзирателя и работницы Молкомбината с детьми. Постучался в дверь служащих.

– Вот ваша книга, – сказал он главе семьи. – Извиняюсь, что не успел дочитать, – мямля на свой лад, закончил тираду.

– Дочитывай и тогда принесешь, – ответил глава семьи вежливо.

– Ну, зачем? – спросил Коля-финка, надеясь еще взять взаймы денег на бутылку водки, чтобы почувствовать себя благородным аристократом, таким как описывалось в правилах поведения в талмуде, о котором у него вообще не было ни малейшего полного представления.

– Читай, читай! Не волнуйся! – разрешил сосед – госслужащий твердо.

Наступила пауза. Отклика в душе соседа по первому этажу Коля-финка не нашел

– Могу отдать и сейчас. Мне понравилось все в ней, – сказал Коля-финка, разглядывая, как дочь-подросток служащего лежит на диване, с интересом наблюдая за вечерним визитером.

Любопытному гостю не хотелось уходить, и он тянул время, как обычно на суде при допросе свидетелей.

– Приходи, когда прочтешь, – хозяин квартиры слегка подтолкнул Колю-финку в коридор и закрыл за ним дверь.

Волей случая книга так и осталась у бывшего зэка. Он никак не решался вернуть, так как продал за бутылку водки в гастрономе продавщице винными товарами.

Наконец в один из последующих месяцев, праздно слоняясь по рынку, увидел подобную книгу на лотке и аккуратно, накрыв полый пиджака, найденного во дворе дома, снял с прилавка. Книга была в точности такая же, но обложка на пол тона светлее, так как лежала на прилавке на солнце и выгорела. Коля-финка пришел и показал новый экземпляр бывшему владельцу предыдущей книги и радостно сообщил:

– Вот ваша книга на замену, а ту я где-то забыл... – чувствуя себя оправданным, сказал он в двери, но не стал возвращать.

«Я вернул», – так он подумал, оставил книгу себе, испугавшись того, что он сделал, тут же взял назад, чтобы продать при удобных обстоятельствах.

Соседи по первому этажу давно в мыслях распрощались с Колей-финкой и его наглыми манерами воровать все у всех подряд на виду: картошку со двора, разложенную для просушки, деньги у жены, овощи с базара.

Воруя и перепродавая любую потерянную гражданами вещь, уголовник пил, пробиваясь временными заработками грузчика на рынке. Иногда он таскал на себе туши, помогая соседу со второго этажа, который гордо считал себя мясником, торгуя всеми категориями мяса и фарша. Запой случались довольно часто. В следующий раз он угодил за решетку именно за эти самые проступки. Особенно он не находил себе места, когда вспоминал, что его бывшая сожительница завела себе любовником милиционера, чтобы оградить себя от грубостей бывшего отца их, совместно нажитых, детей.

Стоял теплый сентябрьский день. На вокзале толпы отъезжающих торопились с вещами к вагонам поездов. Происходило движение в разные направления. Около вагонов провожающие отдавали последние наставления. Продавцы цветов предлагали небольшие букеты роз.

Придя в ресторан при вокзале один в обычной гражданской одежде, Коля-финка сел за стол, наблюдая через стекло за бывшей сожительницей – матерью его двоих детей, стоящей на перроне. За ней он следил с самой остановки троллейбуса.

Она ждала появления электрички, чтобы отправиться в сторону дач и навести на участке порядок, срезать созревшие овощи, выкопать картошку, засыпать виноград землей, переложить яблоки в маленьком фанерном домике, а затем перевезти кое-что домой. Изворотливая Валя хотела снабдить продуктами детей, заканчивающих колледж, проживающих в общежи-

тии, своего нового любовника-милиционера, который придерживался строгих правил и никогда, кроме праздников, не прикладывался к рюмке водки или вина.

Когда заштатный оркестр в ресторане только собирался начать исполнять популярную мелодию о любви, улучив момент, Коля-финка вышел украдкой из ресторана, не расплатившись, так как официант еще не успел подойти к нему, а только положил приборы: нож и вилку.

Он срочно выскочил на перрон, заметив, что Валя пошла в сторону подземного перехода и выхода на следующий путь, туда, куда должна была прийти электричка. Коля-финка, прихватив с собой нож из ресторана, спрятал его в карман брюк. Он без эмоций подошел к своей бывшей сожительнице и молча вонзил ей нож в самое сердце. Она вскрикнула от сильной боли, взмахнула руками, как подстреленная птица, уронив сумку и сетку на тротуар, повалилась на своего бывшего сожителя.

Дежурные по вокзалу двое милиционеров, заметив происшествие, подбежали сзади. Они схватили убийцу женщины за руки и отвели в привокзальный участок, надев на него наручники. Врачи из санчасти отправили убитую жертву на опознание в морг.

– Что же ты, дядя, такой приткий? – спросил его молодой лейтенант.

– Хотел отомстить за себя. Пусть не путается с вами! – ответил очумело бывший сожитель, вода воспаленными от выпивки глазами по стенам чистой комнаты участкового.

– Вот и получишь по полной программе! – спокойно сказал милиционер.

– Она мне много должна. Я с ней долго жил, из-за нее в тюрьму первый раз сел, а теперь уже навечно расстался с Валею, – заверил Коля-финка дежурного. – Да она мне... – хотел повторить задержанный только что сказанное.

У участкового милиционера было еще много текущих дел, разговаривать, с заключенным под стражу рецидивистом, ему было некогда. Он составил протокол задержания в присутствии двоих свидетелей и отправил убийцу надолго в камеру.

Такой жестокий криминальный случай вызвал у местных журналистов и корреспондентов телевидения непримиримый отпор. Маленькая заметка появилась в газете внизу страницы на следующий день. Все прежние жители коммуналки, кто помнил Валею – работницу швейной фабрики, прочитали прискорбное сообщение в газете и осудили ее бывшего сожителя.

– Зря она с ним встречалась, ничего путного из этого брака не вышло. Перевоспитать не сумела, а надеялась... – возмущались люди.

Хористка

Опера Бизе «Кармен» закончилась. Все служители разошлись. Солисты театра отправились в ресторан, а студенты музыкального училища, принимавшие участие в хоре и кордебалете, а также исполнители мелких партий с завистью отправились по домам.

Красивая, белокурая женщина – певица хора – Эля ждала у служебного выхода своего мужа – солиста, исполнявшего арии Хосе. Она подошла к служителю и предупредила:

– Когда мой муж будет выходить, скажите ему, что я жду его с нетерпением дома. Он знает.

Служитель недоумевающе посмотрел на незнакомку, которую он видел впервые, так как только заступил на дежурство и никогда не исполнял подобных требований статисток, занятых в массовках. В его обязанности не входило разговаривать с хористками, участницами кордебалета, тем более выполнять их просьбы.

– Кто же этот счастливец? – спросил участливо дежурный.

– Виталий, – она назвала разборчиво фамилию и улыбнулась, поправляя песцовый воротник на сером, драповом пальто, которое так шло к ее голубым, озаренным любовью, глазам. – Сегодня юбилей нашего знакомства и совместной жизни, – добавила она для полной ясности.

Дежурный понимающе записал на листке имя и фамилию главного солиста театра оперы и балета, чья внешность всегда привлекала толпы поклонниц, вызывая зависть коллег. Все спектакли с его участием имели ошеломляющий успех у требовательной публики другого провинциального города, куда за своим мужем ринулась Эля, исполнительница заглавных партий и дочь директора того оперного театра, откуда началась карьера Виталия – заштатного хориста – и где он познакомился с Элей, чтобы продвинуться и привлечь к себе внимание руководства. Пожертвовав карьерой певицы, женщина питала надежду, что будет рядом с милым, поможет ему встать на ноги, чтобы он обрел еще больший успех.

Руководство театра, откуда она приехала, рассматривало ее уход со сцены снисходительно, как вылет певчей птички из родного гнездышка, чтобы свить другое.

На новой сцене Эле доверили участвовать в репетициях хора и назначили минимальную оплату. Хористка одевалась всегда очень скромно, но модно, без выкрутасов и обилия золотых украшений. Все ее вещи были уложены в чемоданы, где так же лежали вещи сына, которому к тому времени исполнилось шесть лет – тот небольшой стаж певческой деятельности на родной сцене.

Сначала она успела спеть заглавные партии в «Пиковой даме» – Лизу, в «Риголетто» – Джильду, в «Мадам Баттерфляй» – Чио-Чио-Сан, в «Тоске» – Флорию, вкладывая свой певческий дар не из-за женского каприза и желания прославиться, а чтобы произвести фурор и аншлаг. Отец поощрял ее стремление работать и зарабатывать, так как прибыль театра оперы и балета зависела от кассовых сборов и предвзятых вкусов, заинтересованных в радостном общении любителей оперного и балетного искусства. Солировать в премьерях Эле удавалось, а затем шли репетиции новых спектаклей, где она не участвовала.

Виталий в ее бурной жизни появился внезапно. Они обсуждали новый репертуар с отцом в его кабинете директора, как туда заглянул молодой, честолюбивый, но еще не оперившийся хорист, чтобы прояснить вопрос с выдачей командировочных удостоверений для гастролей. Его попросила другая солистка – подруга Эли, за которой он сразу принялся ухаживать.

– Что-то срочное? – спросил строго директор, отодвигая от себя лист со списком опер, в которых участвовала его дочь.

– Есть у вас новый репертуар для гастролей? – фамильярно обратился будущий дипломант к директору театра, от которого зависело процветание театральной культуры провинциального города.

– Обратись к заведующей труппой или к заведующему художественно-постановочной частью, – посоветовал директор, чтобы продвинуть сценическую деятельность молодого, напористого артиста, с певческими способностями.

– Кстати у художественного руководителя и главного дирижера тоже есть то, что тебе надо, – вставила Эля кокетливо.

– Спасибо большое, – начинающий солист вышел из кабинета директора, ошеломленный красотой девушки.

В тот вечер Виталий вызвался проводить дочь директора и поговорить с ней на профессиональной ноте о гастролях и своем миропонимании.

– Разреши проводить тебя до дома? – спросил Виталий Элю, дожидаясь ее после репетиции в служебном помещении театра, где по темно-синим стенам были развешаны правила пожарной безопасности, а в углу стоял огнетушитель.

Внешность Виталия говорила сама за себя: высокий рост, карие глаза, темпераментный, скромно одетый, вежливый, с приятными городскими манерами артиста.

– Пожалуйста, попробуй проводить, – продолжила девушка многообещающе.

– Зайдем по дороге к тебе в кафе?

– Давай сходим в кафе, – согласилась Эля, каждый раз представляя себя все в новых партиях, она забыла о своей личной жизни, которую тоже надо было налаживать.

Они вышли на воздух, расписавшись в книге ухода и прихода на работу. В воздухе пахло весной, под ногами было грязно, так как конец февраля выдался на редкость дождливым и холодным.

Автомобиля у Виталия не было, а такси было не по карману, поэтому они ринулись, куда глаза глядят, то есть на противоположную сторону от театра, где располагалась точка питания для обслуживающего персонала и сотрудников театра.

Эля не заметила, как после дешевой закуской, где они выпили по стакану сока и съели горячее блюдо – бифштекс из баранины, он привел ее неожиданно в свою съемную квартиру. Жил он без особых удобств, но отдельно от хозяев данного пресловутого жилья, сдаваемого аспирантам консерватории, где он обучался на сольном отделении и подрабатывал в оперном театре стажером в труппе, зарабатывая минимум на проживание и пропитание. Любители музыки – его добродетельные родители из областного центра – помогали сыну с продуктами питания в период учебы в музыкальном училище.

У Виталия около стола стоял солидный буфет, где он невзначай обнаружил бутылку крымского марочного вина и пузатую, темную, маленькую бутылку коньяка «Плиска», купленного по случаю его дня рождения.

Опасаясь предлагать коньяк очаровательной блондинке, Виталий расшаркался в прихожей, повесил верхнюю одежду обоих и зонт на вешалку. Он встряхнулся, как подобает воспитанному ухажеру, и спокойно сразу обнял скромную девушку, чтобы не откладывать на потом объяснения в любви.

– У тебя такой хороший вкус и чудесные французские духи, – сказал Виталий первое, что пришло в голову.

Эля не отстранилась от него.

– Не спеши. Хочу осмотреть, как ты живешь, – сказала на высокой ноте ля певица хора.

Она прошла в жилую комнату и села на уютный диван с темно-желтой обивкой. Он последовал за ней и сразу опустился на колени перед ее ногами, сложив свою голову ей на бедра, обнимая своими сильными, красивыми руками. Эля прерывисто вздохнула, немея от наслаждения.

– Выпьем по чуть-чуть вина? – предложил Виталий после упоительного взаимного поцелуя. – А потом я предлагаю посмотреть мои детские карточки.

– Хорошо, – согласилась девушка, зарываясь в страстные объятия любовника, покрываясь дрожью от стесняющей тела одежды. – Куда можно положить мой свитер?

– Не волнуйся. Вот стул, вешай на спинку все, что захочешь снять сама или я могу тебе помочь раздеться.

Он облизал свои губы, налил в высокие стеклянные стаканы немного вина и поставил перед девушкой на стол. Эля разделась буквально за секунду и оказалась в розовой нижней сорочке с кружевами, оттеняющими ее бледную кожу. Округлые плечи и бедра, стройная талия, тонкие руки – эта роскошная фигура воодушевляла Виталия для любовных игр. Эля взяла бокал и отпила розового вина с терпким ароматом винограда мускатных сортов из Масандры.

– Вижу, ты дрожишь, – восхищаясь своими музыкальными способностями и удивительным образом девушки с маленькими ступнями и крошечными, как у гейши, ладонями с ухоженными перламутровыми ногтями.

– Да, слегка, – томно сказала она.

– Чтобы согреться, надо смешать коньяк с мускатом и сразу выпить, – поощрил Виталий, расстегивая на себе рубашку и тут же снимая, демонстрируя свои атлетические данные.

Он подлил в стакан с вином грамм двадцать коньяка и протянул ей, смеясь:

– Выпей и скажешь, как этот коктейль на тебя действует.

Она грациозно поднесла стакан к губам и отпила. Вкус ей показался слишком горьким.

– Гораздо крепче и жестче напитков. Мне первый понравился больше.

– Тогда не пей вообще, если слишком жгучий вкус, – сказал Виталий. Он взял из протянутой руки девушки стакан и выпил сам до дна. – Это за нашу любовь! – воскликнул он в восторге от своего поведения.

Они смаковали напитки, стоя, и несколько раз поцеловались. Перешли на диван. Легли, с жаром обнялись и вскоре уснули, наслаждаясь тишиной и покоем.

Их бурный роман впоследствии принял формы обычной семейной жизни работников сферы культуры. Они вместе репетировали в спектаклях, оставаясь допоздна в театре. Он часто представлял себя в заглавных ролях в своих спектаклях, проявляя завидное участие в изучении лучших образцов оперного искусства. Пел с большой отдачей на итальянском, немецком языках.

К сожалению, так продолжалось не долго. Через некоторое время Виталию предложили место солиста в театре другого областного центра, куда он подавал заявку. Эля ему хронически надоела. Чудесного ребенка, родившегося вскоре у них, она отдала заботливым родителям. Сама последовала за своим героем оперной сцены в город, где у нее никого кроме Виталия не было.

Она постоянно дожидалась появления любимого мужа после спектаклей, но он отправлялся в ресторан или к кому-нибудь в гости, избегая Элю.

В тот злополучный вечер она ушла так и дождавшись Виталия. Вернулась домой, стала принимать теплую ванну. Услышав звонок в дверь, она не удивилась, так как знала, что у Виталия была привычка звонить среди ночи, когда он после попойки возвращался домой иногда с друзьями или подругами. Ее жизнь приобрела оттенок мучительных переживаний и терпеливых ожиданий.

Завернувшись в полотенце, Эля прошла в прихожую и открыла входную дверь.

– Ты зачем сказала чужому человеку обо мне? – невнятно, но, зверея от собственной злобы, спросил он и со всего размаха оттолкнул девушку от себя, а затем стукнул другой рукой по лицу. – Кто тебе разрешил?

Она не успела ответить на заданные вопросы, упала на спину, стукнувшись головой о пол. Он, обезумев, наклонившись к ней, стал изо всей силы избивать и трясти Элю за плечи, ударяя

снова и снова по голове, повторяя одну и ту же бессмысленную фразу до тех пор, пока она не потеряла сознание.

Обнаженное тело в мокром полотенце лежало на полу без признаков жизни. Когда он отрезвел, поднял ее на руки и отнес в ванную комнату. Положив на низ ванны бездыханное тело, он включил душ и смыл свои отпечатки пальцев на теле убитой им женщины.

Обнаружили тело соседи по квартире, когда пришли с работы ее коллеги, узнать, почему она отсутствовала в театре на репетиции три дня. Они пригласили соседей по этажу. Те позвонили в полицию, так как тоже удивлялись, что женщина – обычно такая общительная и целеустремленная – исчезла со сцены.

– Скончалась, как подкошенная тростиночка! – восклицали родственники. – Такая была хорошенькая.

– Grimаса смерти может иметь своеобразные формы. Надо принимать во внимание обстоятельства жизни жертвы, – сказал эксперт, когда отдавал родителям Эли тело дочери, скончавшейся от побоев в ванной своей квартиры.

Похороны проходили там, где жили престарелые родители девушки. Они забрали тело Эли и перевезли в гробу в театр, где ее загримировали для последнего выхода. Оттуда торжественная, траурная похоронная процессия двинулась на кладбище, расположенное в центральной части города.

Библейский сюжет

Средства передвижения в центре провинциального города летом были тем более простые, чем проще выглядел их владелец. Около одноэтажного деревянного дома с подвалом, где ютились какие-то пришлые люди, в валенках на босу ногу сидела старуха. Она наблюдала за всеми играющими детьми с обеих сторон улицы, но так как никакого движения по дороге не происходило, то она могла даже фиксировать, как забавлялись малыши среди клумб с сачками. Дети ловили стрекоз и бабочек, а потом отпускали их на свободу. Иногда к старухе присоединялась еще одна соседка по квартире того же возраста – за восемьдесят – тоже в теплой одежде, шерстяных чулках и коричневых самодельных кожаных тапочках с белой опушкой. А после обеда присаживалась третья их соседка – полная, в темном платке – монашка.

Однажды в полдень к ним подсел молодежавший гармонист в темном костюме, светлой рубашке и сапогах. Он начал залиvisto перебирать клавиши, надрывно выводя и наигрывая какие-то давно забытые мелодии: «Амурские волны», «Очи черные», «Тройка мчится, тройка скачет», «Когда я на почте служил ямщиком». По-видимому, это был сын одной из старух, так как он старательно выслушивал запросы женщин. Они стали нестройно подпевать подвыпившему музыканту, представляя собой жалкое зрелище художественной самодеятельности.

Дети с противоположной стороны улицы, прислушивались и, прекращая гоняться по газонам, усыпанными цинниями, ноготками, маками, бархотками, георгинами, смотрели на старух, завидуя их веселой, разбитной компании и мечтая подойти поближе и послушать, о чем пели эти древние женщины с радостными улыбками на изборожденных морщинами лицах. Это продолжалось до тех пор, пока скорая помощь с воем проскочила мимо и остановилась посередине квартала. Из машины выскочили санитары с носилками и влетели в двухэтажный дом, тоже с подвалом, на второй этаж. Из дома они вынесли носилки, закрытые белой простыней, осторожно и медленно, чтобы не уронить тяжелый груз и срочно умчались.

Следом за скорой приехала милиция как раз тогда, когда дети побежали посмотреть, что же такое произошло в одной из неблагополучных квартир, надстроенного одноэтажного дома, представлявшего собой обычный дачный домик, приспособленный для проживания в зимний период. Вдруг из домика выбежал худенький, высокий подросток с ножом в руке и по тротуару бросился в левую сторону от места преступления. Он скрылся за поворотом улицы. А взрослый мужчина средних лет чуть ли не на полусогнутых ногах, враскачку, с сонным видом прошагал из пыльного двора. На нем была грязная, поношенная одежда. Он, нервно отряхиваясь, пройдя сквозь толпу свидетелей, сказал, обращаясь в никуда:

– Ушел, мерзавец! Ушел! Ну, ничего... Скоро придет! Я не виноват...

– Что он сказал? – дети спрашивали один другого полусшепотом.

– Ничего непонятно. Надо было слушать самим, – в отчаянии дети жались друг к другу и боязливо плакали.

Маленьким ребятишкам хотелось посмотреть самим, что произошло. Хотя они понимали, что вряд ли найдут кого-то в бывшей жилой, убогой комнатке.

– Можно нам пойти посмотреть, что там случилось? – каждый из них спрашивал другого, держась за рукава своего соседа или знакомого по улице ребенка.

Наконец, когда милиция осмотрела лестницу, ведущую в страшную комнату, кто-то из ребят постарше скомандовал:

– Можно пойти и посмотреть, что там находится.

Дети недоумевающе по лестнице бросились в комнату, чтобы выяснить, что там находится, кто-то вышел и должен был скоро прийти. Но в злосчастной комнате никого не оказалось.

Два окна с короткими задвинутыми занавесками секретной каморки выходили на улицу. По пустым стенам, с боков стояли обшарпанные кровати, накрытые тюремными одеялами. Два стула и стол – основное богатство неприглядно-уродливой квартиры, что и было на самом деле, где произошла трагедия, разыгранная, как по нотам, в библейском стиле.

Вся декорация выглядела очень натурально и естественно, подчеркивая обычный семейный скандал с элементами драки, битьем окон кирпичами, что предшествовало выше перечисленным событиям невзрачной семейной жизни, с отсутствием элементарных удобств, как мечь за годы, проведенные в местах лишения свободы.

С разочарованием дети вернулись восвояси, но продолжать играть около чужих домов, рядом с грязными дворами им больше не хотелось. Милиция уехала не сразу. Пришлось на скорую руку составлять протокол задержания подростка, которому надоело присутствие бывшего уголовника у себя под боком и скандалы на почве отсутствия денег у старшего брата, только вернувшегося из мест заключения за подобное убийство своего соседа по коммунальной квартире, но на первом этаже. С кем у него происходил постоянно спор за место в общественном туалете, куда они хотели попасть одновременно после распития бутылки водки. Завязывалась драка или, что было более опасно, ночные перестрелки из самодельного оружия.

Подбитый ночью из самострела, сосед скончался на месте во дворе, а его убийца самодовольно занял и комнату, и все, что к ней прилагалось, но на один день. Следующий день он провел в камере, когда отцу пришлось самому вызывать милицию для водворения старшего сына на нары. Старший сын был озлоблен и не ожидал, что отец выступит против него, надеясь, что его поведение понравится всем окружающим, включая милицию. Поклялся после выхода на свободу отомстить родителю за строгое воспитание и долгие годы, наблюдения неба в клеточку из своей камеры.

Младший сын, к выходу старшего из мест лишения свободы, подрос и стал предводителем у мелюзги, выигрывая в ножички, машинки, солдатки, приобретая дешевый авторитет, демонстрируя найденные где-то в песке патроны, гильзы. Эта камарилья продолжалась и была по душе каждому маленькому человечку обширной ватаги детей.

Орудия злодеяния так и не нашли, но состав преступления был налицо. Старший брат скончался, не приходя в сознание на больничной койке, так как удар ножом худенького подростка пришелся прямо брату в спину, в самое сердце.

Отец подтвердил на суде, что драка завязалась между братьями из-за места за столом. Младший брат не смог стать надежной опорой отца в старости. Степенный мужчина превратился в дряхлого, больного старика, который умер один в преклонном возрасте, не дождавись сына из тюрьмы, заливая свое горе водкой.

Три старухи стали очень редко собираться у порога их дома. Первой от компании откололась высокая старуха в валенках, а потом и остальные почили в мир иной. Темное, деревянное одноэтажное строение снесли, а на этом месте возвели каменный, многоэтажный, современного, элитного дизайнера, особняк с улучшенной планировкой квартир. На первом этаже появился магазин оргтехники, составляющих частей компьютера и высоких технологий.

Сирота казанская

Сборы в театр у Маши отняли максимум тридцать минут. Пришлось отгладить блузку, причесаться, завязать банты и успеть выпить чай с пирогом. Мама не торопила ее, а просто показала билеты, чтобы ей было понятно, откуда такая спешка в воскресный день. Давали балет Чайковского «Щелкунчик», поэтому послушная девочка мечтала посмотреть постановку на большой сцене оперного театра.

День выдался морозный. Следы на снегу от детских полусапожек искрились всеми цветами радуги. Тропинка из подъезда до тротуара не была притоптана, поэтому можно было смотреть, как пушистый, нанесенный за ночь, слой снега превращался в сверкающее воздушное покрывало.

Маленькие ножки скользили по обкатанным длинным каткам, держась за мамину руку, когда они подходили к троллейбусной остановке. За проезжающими машинами долго крутилась поземка, оставляя на дороге примятую дорожку. В воскресенье утром все горожане еще продолжали отдыхать или уехали на лыжные базы спуститься на санках с горки, покататься на лыжах в заснеженном лесу

Утренний спектакль начинался в одиннадцать. Из всего репертуара балет «Щелкунчик» вызвал самые лучшие эмоциональные струнки у Маши.

Они с мамой прошли через входную дверь театра. Билетер оторвала контроль. Маша сняла шапку, быстро освоилась в незнакомой обстановке. Тщательно смахнула снег с красной шубки с капюшоном из искусственного меха, передела сапожки, надел туфли.

– Это твой первый визит на такой красивый спектакль, – сказала мама, когда они появились в фойе, наблюдая за посетителями с детьми, которые тоже стряхивали снег с ботинок и шапок.

Мраморные лестницы, зеркала, порфиновые вставки в колонны, огромные хрустальные люстры и плафоны, белые низкие кожаные диваны, на которые можно было положить верхнюю одежду, не вызвали у девочки никаких восторгов. Зато зрительный зал с оркестровой ямой показался невероятно большим.

Звуки настраиваемых скрипок от прикосновения смычков, запах сцены, паркетные полы, покрытые коврами, мягкие кресла с бархатной красной обивкой, ярусы, бельэтажи и ложи с золотой лепниной. Легкий ветерок между рядами. Торжественные контролеры, стоящие у входа в партер и на этажах в строгих костюмах, вызывали уважение и почитание. Тяжелый занавес из нескольких драпировок с бахромой был вышит разными нитками, представляя собой талантливое произведение театрального искусства. Потолок был расписан изображениями фигур девяти муз. Юные, цветущие женщины с красивыми, одухотворенными лицами: Клио, Евтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания, Каллиопа – богини искусств с атрибутами, соответствующими каждой. Круглая хрустальная чашеобразная люстра, состоящая из множества блестящих шариков, нанизанных на металлический шнур, гасла постепенно.

Действие балета перенесло Машу в канун Рождества в красивый дом доктора, куда собирались гости с детьми. Мальчики танцевали с сабельками, а девочки – с куклами. Взрослые украшали елку. Маше показалось, что в сказке рассказывалось о ее визите с мамой к бабушке на Новый год.

Тогда последним появился мамин брат в костюме Деда Мороза с подарками в мешке. Никто его не узнал, а он раздавал всем гостям подарки: коробки конфет, книги, цветные хлопушки. Дети восхищались неожиданно полученными безделушками, а взрослые передавали из рук в руки ценные издания. Все двоюродные братья и сестра получили что-то.

Дети хвалились друг перед другом подарками. Они демонстрировали взрослым, что могут достать с елки какое-то еще более заманчивое или вкусное украшение: игрушечные снеговые санки, балерину в пачке, снеговиков, снежинку, маленькое креслице, зайца, мишку, снегирия, фонарик, стеклянную еловую шишку, царевну в кокошнике, картонную сороку, волка или лисицу с колобком, флажок, гирлянду из стекла.

Маша с нескрываемым восторгом ждала, чтобы волшебник вручил ей коробку сладких печений. Но девочке досталась кукла, сделанная из целого куска дерева с поворачивающейся и отвинчивающейся головой в красивом ярком костюме. Кукла чем-то напоминала Буратино, несколько разочаровав девочку.

Младший двоюродный братик – Костя, увидев, что у Маши такая интересная игрушка, подошел на цыпочках к ней с боку и выхватил деревянного человечка – марионетку, потянув резко за голову. Крепление, на котором держалась голова, не выдержало, треснуло и сломалось. Голова осталась в руках у Кости, а тело – у Маши.

Цветной костюм отделялся от хрупкого тела, и Маше было нестерпимо жаль испорченной куклы, хотя она уже давно, почти год вообще не брала в руки игрушки, так как пошла уже в первый класс в школу, поэтому рыдать со слезами в гостях у любимого дедушки показалось ей слишком невоспитанно. Она просто передала обезглавленную марионетку Деду Морозу с грустным выражением лица и со словами:

– Вот, возьмите назад. Кукла не выдержала... Костик наигрался с ней.

– Хорошо. Я исправлю для тебя эту куклу, не волнуйся. Мне кажется, что у нее не слишком большая поломка. Посмотрим, что можно с ней сделать. Где же голова уродца? – спросил он, осматривая комнату, украшенную разноцветными огоньками с нарядной елкой у балконного окна, слегка замершего с выразительным белым рисунком на стекле.

– Надо поискать, – ответила Маша, глядя на гостей.

Она растерялась, глазами выискивая фигуру неугомонного Костика, чтобы задать тот же вопрос, что и Дед Мороз. Ее взгляд упал куда-то в угол под столом. Там лежала оторванная голова марионетки с вихрами волос, выглядывающих из-под полосатого колпачка с помпоном.

– Да, вот же она, – чуть не вскрикнула Маша от удивления и проявления ханжества со стороны двоюродного младшего братика, но тут же простила ему его грубость. – Сейчас отдам.

Она обошла елку вокруг, присела на корточки и подняла злополучную сломанную вещь. На полу под елкой стояли традиционные коробки с подарками, обернутые в блестящую цветную бумагу с пушистыми бантами из бумажных лент. Маша передала деталь куклы Деду Морозу.

Дети – Костя, его родная сестра Леночка, которая была на год младше, но претендовала на лидерство в семье, Вовочка – двоюродный братик, тоже пяти лет, как и сестра. Пришел сосед Миша – ровесник сестры Кости. Все в праздничной одежде сгрудились у большого уютного дивана, раскладывали свои ценные подарки, переговариваясь и толкаясь. Никто из них не придавал значения тому факту, что кукла носила на себе элементы декора старинного замка и была задумана, как выросший мальчик, изготовленный ручным способом из полена неким «папой Карлом», но переодетая по случаю праздника Нового года в соответствующий костюмчик.

Дед Мороз сконцентрировал свой взгляд на Косте и погрозил ему пальцем. Тот сморщился от удовольствия, когда жевал мандарин, но, завидев, что деваться некуда, а Дед Мороз настроен решительно, спрятался за спину своей мамы в красном шелковом длинном платье и высокой прической на голове.

– С Новым годом! – крикнул кто-то из засидевшихся гостей.

Все взрослые подняли бокалы с шампанским, пузырящимся на свету. Они дружно чокнулись, выпив содержимое с огромным удовольствием.

Дед Мороз или родной дядя – старший инженер в одной из перспективных компаний регионального значения, специалист в области высокочастотных технологий и компьютерной

техники – отложил в сторону посох и пустой мешок, предназначенный для подарков. Снял с себя белую шапку, голубую плюшевую шубу с большим белым воротником, отнес в соседнюю комнату, осторожно отклеил усы и бороду, превратившись в обычного человека со своими привычными заботами.

Он ушел в свой кабинет-мастерскую, где у него находились все необходимые вещи для спортсмена и любителя почитать. Шкаф с подписными изданиями популярных классиков, гантели по три килограмма каждая, обычный диван, накрытый пестрой черно-оранжевой накидкой, журнальный столик с ночником в виде молочной бутылки на полтора литра на мраморной подставке, письменный стол с компьютером, ящик с инструментами. Там он хранил все, что нужно для домашнего ремонта, включая молоток, железную коробку для гвоздей, маленький напильник, паяльные принадлежности, остатки металлических проводков, пассатижи, круглогубцы и многое другое, так необходимое для него. Когда нужно было срочно заняться чем-то стоящим, чтобы облегчить жизнь своим родственникам заботой и вниманием со стороны человека, знающего толк в мирских радостях, он лез туда и принимался за дело.

Дедушка и бабушка стали предлагать гостям чай и вафельный шоколадным торт. А родители успевали хвалить богатые угощения: яблоки, мандарины, конфеты, орехи, фруктово-ягодное варенье в розетках, лимонад в высоких стеклянных стаканах с пластиковыми трубочками, кексы. Все с аппетитом занялись поглощением торта. Гости подкладывали себе пастилу, еле дотягиваясь до хрустальной вазочки посередине стола.

Затем всех пригласили поучаствовать в лотерее. Хозяева стали разыгрывать канцелярские принадлежности. Счастливые малыши, чувствуя себя в поле зрения родителей, отгадывали наперебой простейшие загадки, получая дополнительные призы к уже полученным подаркам. Они бегали из комнаты в комнату, прятались и смеялись.

Маше удалось вклиниться своим правильным ответом в ход розыгрыша. Папа Кости вручил ей торжественно большой красно-синий карандаш, раза в три превышающий обычный.

– Машенька – это тебе, – сказал папа Кости, протягивая ей замечательный подарок.

Маша на этот раз оказалась в восторге. Ее тяга к рисованию была так велика, что она изрисовала дома все имеющиеся у них три коробки длинных турецких карандашей фирмы *ADEL Colour*. Но особенно рада была ее мама, потому что она боялась, что у ребенка не будет возможности нарисовать что-либо с отсутствием «орудия труда» при наличии средств к существованию.

– Какой замечательный карандаш! – восхитилась мама Маши, забыв об обиде на Костю за сломанную марионетку.

– Это – китайский карандаш. Маша будет рисовать, что ей захочется, – сказал с уважением к своим гостям папа Кости, считающий своим долгом развеселить всех присутствующих, так как он капитально подготовился к вечеринке по случаю Нового года, придумал все конкурсы и лотерею, заранее купив подарки в ЦУМе.

В то время седой дедушка допивал третью или четвертую чашку чая, наблюдая за детьми и внуками, весьма довольный, что они пользуются таким сильным влиянием на родителей. Маша оказалась самой старшей среди детей, поэтому гордо восседала за столом, проявляя завидный аппетит и упорство в поедании предложенных угощений.

Дядя отсутствовал минут десять. Наконец он появился, подошел к Маше с помпезным видом победителя в битве при Ватерлоо. На глазах у всех присутствующих гостей он вернул ей назад подаренную куклу, с исправленной головой на плечах и радостной улыбкой, нарисованной красным грифелем на пустом деревянном лице.

– Вот возьми. Но спрячь сразу в сумку, а то во второй раз будет гораздо сложнее ремонтировать марионетку. Я специально привез ее из Испании, чтобы продать или подарить кому-нибудь из родственников.

Маша сделала удивленное лицо, она находилась в гостях у родных, как под гипнозом. Отложила подаренную куклу на середину стола, нисколько не заботясь, что ее сокровище снова кто-то сломает или похитит.

– Но ты должна отблагодарить дядю за исправленного клоуна, – сказала ей мама строго. – Сыграй нам что-нибудь, пожалуйста, на пианино, – попросила она гораздо мягче.

– Да, мы с удовольствием послушаем твою игру на пианино, – продолжила мама маленького Кости. – У Маши такая красивая кофточка, она так идет ей.

Маша не ожидала такого поворота событий. Она посещала также первый класс музыкальной школы, но научилась за полгода играть только гаммы, да и то вместе с учительницей. Ни о каких пьесах или тарантеллах не могло быть и речи. Маша встала у спинки дивана. Она твердо держала оборону.

– Мы еще не разучили до конца вальс цветов из «Спящей красавицы»... У меня нет с собой нот, – закончила оправдываться девочка, получившая урок вежливости от взрослых.

Никто не расслышал ее слов. Дети, доев остатки сладостей, медленно стали собираться домой. Вышли в сопровождении родителей толпой в просторный холл, чтобы заняться поиском своей верхней одежды и сапог. В руках у каждого находился заслуженный приз. Тогда Маша спокойно подошла к забытому всеми деревянному клоуну, взяла со стола, безропотно положила в сумку, довольная, что дядя «вылечил» ее игрушку.

Маша с мамой продолжали смотреть балет «Щелкунчик» и разворачивающуюся там войну мышей с солдатыками, где всегда победителем над мышинным войском оставался Щелкунчик в образе прекрасного принца. Ей настолько понятна была интрига сюжета, представленная на сцене театра в танце с декорациями и чарующей музыкой, что она перевоплотилась в главную героиню балета. Домой возвращались в отличном настроении.

Финальный вальс и апофеоз балета превратил последние минуты пребывания в театре в настоящий детский праздник. Но одно Маша пожалела, что не взяла с собой подаренную ей дядей куклу, чтобы вместе лицезреть свои приключения на сцене. Таким образом, она решила наверстать упущенные возможности. Она стала иногда брать Щелкунчика с собой на прогулку, если мама приглашала ее куда-нибудь пройтись. Но случая долго не представлялось. Посещение школы, изучение предметов, соблюдение правил и режима дня настолько уплотнили расписание девочки, что не оставалось свободной минутки для прогулок с мамой. Надо было видеть лицо Маши, когда однажды в воскресенье летом мама пригласила дочку на прогулку в парк, где можно было покататься по озеру на лодочке, на качелях и каруселях, поесть сладкой ваты и мороженого. Это было грандиозно! Можно было взять с собой любую полюбившуюся ей куклу, но мама отговорила ее делать это.

– Ты же не маленькая, чтобы таскать постоянно с собой куклы. Можешь взять персик в дорогу, если проголодаешься съешь.

«На самом деле, у школьников совсем другие представления, чем у малолетних детей», – решила Маша, и они двинулись пешком с мамой в парк.

Они легко прошли почти все расстояние. Оставалось совсем немного, примерно квартал, когда им навстречу из двора десятиэтажного дома выбежала крошечная малютка в распашонке, чулках и сандалиях. Малышка присоединилась к ним, взяв маму Маши за руку.

Женщина поняла, что дитя еще не умеет разговаривать, поэтому остановилась в нерешительности, чтобы запомнить место, откуда сбежала кроха. Но никаких взрослых или даже намек на присутствие няни не было рядом. Они втроем постояли минут десять. Мимо проезжала милицейская машина. Шофер притормозил и оттуда вышел милиционер в форме. Он остановился рядом с женщиной и двумя детьми.

– Вот – ребенок, выбежал из двора, – сказала мудро женщина, глядя, чтобы никто из окружения не расплакался, указывая взглядом на найденыша, который не отпускал руки.

– Хорошо, мы возьмем ребенка с собой. Там, может быть, отыщутся родители, – объяснил милиционер с озабоченным видом.

– Маша, давай угостим персиком малютку? – спросила мама у дочки, с жалостью наблюдавшей за происходящим.

Маша кивком головы согласилась. Она благосклонно отдала свой персик возникшему найденнышу.

– Пусть персик возьмет, поест, – предложила находчивая женщина.

Милиционер не возражал.

– Постарайтесь найти ей родителей. Сирота казанская, – сказала мама Маши.

– Видно будет, – посочувствовал милиционер.

Они разговаривали около пяти минут, стоя у самой обочины. Затем милиционер взял ребенка на руки, посадил к себе на колени в кабине. Ребенок с трудом удерживал спелый фрукт, сидя в автомобиле. Машина тронулась, исчезнув из вида.

Маша с мамой провели насыщенный день в парке. Вернулись домой с прогулки счастливые, что у найденного по дороге ребенка сразу появились новые мама и папа. Они часто вспоминали тот случай, но никогда не встречались ни с родителями убежавшего ребенка, ни с самим найденнышем.

Охотники за черепами

– Конкистадоры 21 века встречаются в нашей суетной, полной всяких насущных проблем, жизни. Они ведут себя также, за исключением того, что вы не сможете сразу заподозрить их, кто они, откуда ведут свои корни. Хотя у Достоевского в «Преступлении и наказании» ярко показан такой тип человека. Написано много диссертаций на эту тему. Сравнивают творчество великих ученых, писателей, композиторов, художников. А Раскольникова и Наполеона можно лишь сравнить с хищными зверями или пиратами, но не со здравомыслящими индивидами, – такими словами закончил свое выступление перед студенческой аудиторией филологического факультета профессор психологии университета. – У кого будут вопросы?

В аудитории студенты зашелестели кто тетрадами, кто журналами, кто чехлами от айпадов, убирая все в скромные сумки, ранцы и кожаные портфели на ремнях через плечо. Лекция закончилась.

Все торопились на перерыв, чтобы успеть заскочить в кафе перекусить, а потом снова вернуться в нужный корпус по расписанию. Аудитория опустела. Преподаватель сложил свои книги и записи в старенький портфель.

– Ты пойдешь сегодня на последнюю пару? – спросила Лера своего старшего сына – Леву, когда он в перерыв забежал домой, чтобы пообедать и затем отправиться на стадион, где у них проходили занятия спортом, в основном футболом. – Надо бы вымыть окна...

– Вымою, – согласился новоиспеченный студент химического факультета.

Он с огромным трудом поступил в университет, благодаря усилиям родственников и репетиторов, нанятых прямо из приемной комиссии. Его яркая внешность очень напоминала средне статистического европейского парня – высокий рост, темные, зачесанные назад волосы, красивый разрез глаз, смуглое от летнего загара лицо, приятный голос и манеры, юмористический настрой, вежливый, модно одетый, два года проживший в Германии с семьей и вторым мужем матери.

Лева-подросток всегда старался избежать всяческих осложнений. Но он несколько не представлял, зачем поступил на данный факультет, и кем он вообще выйдет после пяти лет обучения, сдачи государственных экзаменов. Но одно он усвоил совершенно четко – надо всеми возможными способами отстраниться от армейской службы, чтобы оставаться таким же среди своих однокурсников, а не лежать, засыпанным земляным холмиком, украшенным венками и крестом.

Надо было дождаться окончания нелегких лет: просиживания в библиотеках, записи лекций, сдачи зачетов, практик – всего того, чего так боятся первокурсники. Похожий на своего отца – врача патологоанатома, кандидата медицинских наук и чем-то смахивающий на американского актера Киану Ривза, но несколько мощнее, он мечтал связать свою жизнь с девушкой похожей на его прогрессивную маму – учительницу английского языка в колледже, но всему мешал его сводный брат – Вася, которому едва минуло семь лет.

День новоиспеченного студента начинался с пробежки через дорогу до университетского городка, огороженного резной чугунной решеткой с железобетонными столбами, олицетворяющими неизбежность классической научной школы. Парень мечтал быстрее заработать что-то своими мозгами. Например, как он сам не раз убеждал знакомых его матери «купить за копейку, продать за рубль». В этом чудесном превращении копеек в рубли не последнюю роль сыграла его знакомая по филологическому факультету – Вера, которая уже поняла, что у Льва есть все данные, чтобы жениться, но надо подкопить на свадьбу. Возникла трудность, кто заплатит за банкет? В этом вопросе всегда точки над «и» ставила его любимая бабушка – фармацевт по образованию.

– Давайте в свободное время съездим на дачу, покопаем огород, – часто повторяла она, а потом награждала любимых внуков деньгами для осуществления насущных желаний.

Дачный домик стоял почти у самой реки. Иногда туда ходили за водой, чтобы полить цветы, но когда провели водопровод и построили несколько маленьких деревянных и каменных домиков за водой ходить перестали. Только иногда, когда воду отключали, приходилось носить в ведрах. Когда было особенно жарко, в самый разгар дачного сезона – в июле, окна открывали на ночь, но занавешивали марлей, которую бабушка принесла из аптеки, где она работала после выхода на пенсию уборщицей. Летние ночи были наполнены зноем и паром, исходящим от реки. Никто не мог уснуть, ворочались до тех пор, пока кто-то не вставал и не начинал пить любой прохладный напиток: квас из бутылки, сваренный бабушкой компот, прокисшее молоко, разбавленное кипяченой водой, чай из листьев смородины или мяты. Использовали любую мало-мальски ароматную приправу, чтобы вода казалась вкуснее. Тогда все, кто ночевал на даче, быстро вскакивали и присоединялись, чтобы тоже утолить жажду, выпивая до дна целый бидон. Затем снова ложились и спали, но теперь уже до утра. А утром просыпались, удивляясь, куда делась жидкость из дачи.

Одна комната, чисто выкрашенная половой масляной краской, которая блестела так, что все боялись наступить, поэтому ложились кто в прихожей на раскладушке, а кто на кухне, расстелив матрас прямо на полу и покрыв чистой простыней. Ночевали на даче обычно по двое. Мама с бабушкой или Лева с бабушкой. Вася никогда не оставался с ночевкой. Он обычно приезжал на час-два, а потом уезжал с кем-нибудь из семьи.

Дни летели за днями. Воодушевление от поступления на биологический факультет сменилось разочарованием. По количеству баллов его в итоге взяли студентом на химический факультет, где ему была предоставлена возможность получить зачетную книжку, а впоследствии – диплом. Растения он любил у себя на даче, культивируя огород и фруктовые деревья, всячески способствуя развитию своего атлетического торта.

– Мне совсем не хочется работать в саду, – говорил маленький первоклассник – мамин любимчик – Вася.

– Не работай, тебя никто не заставляет работать. Ты еще маленький. Вот подрастешь, тогда и будешь помогать нам. А пока можешь кушать яблоки, сливы и груши, – отвечала ему бабушка. – Сам набери клубнику в тарелку и поешь, – она давала наставительно ему глубокую тарелку для щей.

– Ну, это можно, – растягивая гласные, соглашался ребенок и бежал на грядку, чтобы угостить всю семью, выращенной ягодой, успевая при этом собрать немного красной и черной смородины для украшения стола.

– Вот и хорошо. Соберем урожай. Сделаем компоты на зиму. Что останется, продадим, – заботливо комментировала мама. – Лева поможет. Он в прошлом году хорошо заработал, когда у него практика в школе была, он на даче мне помогал высаживать рассаду. Правда, Лева? – спрашивала мама за обедом сына, чтобы воскресить в памяти членов семьи свои усилия по подготовке к зимнему сезону – закатыванию трехлитровых банок различных консервированных овощей и фруктов.

Словом работа по культивированию дачного надела всегда отнимала массу энергии и нервов у садоводов-любителей. Благо дача находилась у реки. Дети бегали искупаться и позагорать на пляж, чтобы набраться сил для дальнейшей учебы.

– Айда, купаться, – кричал обычно Вася, и к нему присоединялись соседские дети с резиновыми надувными кругами и игрушками, а некоторые просто так, босиком сбегали по песчаному берегу и ныряли в прохладную воду, чтобы охладить свой пыл, а потом мокрыми идти спокойно и покушать яблок, выращенных совместными усилиями всех садоводов.

Сторож всегда спал в это время суток. Собака у него была без привязи, но она тоже лежала где-то в кустах и тяжело дышала, вытянув язык, изредка глотая стекающую изо рта слюну.

У Васи была привычка допытываться у матери, кто к ним приедет скоро, так как он постоянно дожидался появления родного отца, у которого и без того было много забот. Одевали Васю скромно, а бабушка любила повторять каждому, кто появлялся у них в доме: «Васенька с нами», подчеркивая этими словами, что она помнит о существовании внука и заботится, как может, о нем. Кур и гусей у них не было, так же как лошадей и поросят. Зато Вася все время вспоминал, что когда он гостил на Украине у родителей папы, то там, к его великой радости, он ухаживал за птицами, а потом помогал кормить поросят, что очень ему нравилось.

Он рос скромным мальчиком. Любил играть в те же пресловутые солдатик, которые ему оставил по наследству Леву и те, которые приносили гости, когда приходили к ним с детьми поиграть или пройтись в парк покататься на качелях или каруселях, а затем вернуться домой, чтобы побегать по коридорам огромной квартиры.

Нравилось ему составлять военный лагерь из любых подсобных материалов, включая катушки для ниток, коробки из-под зубной пасты, пластилина. Все то, что разрешалось ему брать в руки. В середину он ставил своих солдатиков и наносил удар за ударом каким-нибудь предметом, изображая взрывы складов боеприпасов, употребляя такие слова как: «Ба-бах, бумс, трах-тара-рах».

Потом громко смеялся и начинал снова завоевывать свою игровую территорию, как настоящий маленький полководец, он выиграл все сражения с наименьшими для семьи потерями, передразнивая сам себя в роли каждого военачальника с обеих вражеских сторон.

Одним словом, он с детства посвятил себя стратегии и тактики, знаниям топографии, марш парадам на плацу и демонстрации сабельного искусства, с оружием, опять-таки полученным от кого-то из маминых знакомых, кому жалко было шаловливого ребенка, постоянно ищущего, что поест.

Как маленький затравленный волчонок, он прятал свои куски под подушку или в карман, чтобы съесть, когда захочется без назидания или чьего-то вмешательства. Он ужасно не любил драки, а тяготел к мягким китайским игрушкам. До злости мог расплакаться, если вдруг у него отнимали ее. Приходилось чужим родителем успокаивать обидчивого мальчика, так полюбившего самых простых кошечек, собачек, утят, слонят, бегемотиков, кроликов, тигрят, рыбок.

Праздники сменялись буднями, семейные дни рождения мелькали с катастрофической быстротой. Торты на заказ заменяли такими же, но домашнего изготовления бисквитами, сдобренными маслом, орехами и консервированными фруктами или ягодами. Дедушка на свадьбу дочери со вторым зятем-офицером военно-воздушных войск подарил им однокомнатную квартиру, когда Леве было семь лет.

Ровно через год появился второй внук, чему все родственники были безмерно рады. Молодожены, пробыв положенные три года в Германии, наградили своего первенца немецким гражданством. У мальчика стало две родины – Россия и Германия.

Вернувшись домой, папа отправился служить по направлению в Азию – Афганистан, а мама с двумя детьми осталась воспитывать подрастающее поколение. Служба не была отчиму Левы в тягость. Он купил ковер местного изготовления, чтобы отправить матери на Украину в качестве трофея. Жене приобрел несколько платьев в Германии, чтобы было, что носить, в период беременности. Она ему отправляла коробки сигарет для обмена на местные продукты, а сама распродавала вещи, которые успела приобрести за границей, посещая в Польше распродажи.

– Буду выращивать укроп, петрушку на даче, – докладывала она всем своим знакомым, покупая рассаду на базаре.

Торговать травой сама она не решалась, но знала, что в Афганистане существует транзит для желающих подзаработать и тех, кто не боялся риска быть захваченным и посаженным за решетку за провоз наркотиков любым изощренным способом.

Прежнюю обычную двухкомнатную квартиру и полученную однокомнатную квартиру они обменяли на трехкомнатную, улучшенной планировки, в доме с высокими потолками, балконом и видом на сквер. Так называемую – «сталинку». На самом деле, дом был построен вскоре после войны, в конце пятидесятых. Туда заселились высокооплачиваемые сотрудники ведомственных структур, кто получал спецпайки в гастрономах с заднего входа, и мог позволить себе разъезжать на машинах с собственным шофером в любом направлении. Сами строители и архитекторы заселялись в более шикарных местах на набережной. В дома, украшенных лепниной порталов на последнем этаже, с видом на водный простор, но в заурядные квартиры, которые со временем устаревали, не смотря на желание владельцев оставаться всегда на гребне инженерной мысли.

У дедушки развилась мигрень, он лечился, принимал процедуры. Но один раз не заметил, что слишком приналег на спиртное и «сгорел» дома – получил обширный инфаркт, скончавшись до приезда скорой помощи на руках у своей жены. Все очень сожалели о случившемся. Особенно молодые сотрудницы, к кому он питал особые чувства, работая в исполнительном районном комитете, в отделе по распределению жилой площади.

Менять шикарную мебель с темно-коричневой велюровой обивкой, купленную еще при жизни дедушки, не стали. Лишь только изредка приглашали знакомых продемонстрировать свое богатство: широкие деревянные кровати с прикроватными тумбочками и настольными лампами, и вещи, приобретенные в Европе, чтобы сбыть залежалый товар за хорошую сумму, а затем купить что-то по минимуму и реализовать тем же способом.

Лева присматривался к спекуляциям матери и сожалел, что мало общался с биологическим отцом, исчезнувшим на второй день после того, как он узнал о беременности жены.

Так как отец-ученый прилагал максимум усилий к исследованию строения органов человека в морге. Там он проходил практику в качестве аспиранта. Он писал диссертацию, склеивая разные куски отпечатанного на машинке текста, фантазируя на свой собственный лад. Он налегал время от времени на спиртное, посещал бани с компанией любителей погреться в парной, вел разгульный образ жизни.

Он успел «жениться» сразу на двоих, с кем он проживал постоянно: одна квартирантка, а вторая сожительница, которая вскоре забеременела и родила от него ребенка. А с квартиранткой-студенткой театрального вуза он лишь «обедал, завтракал и ужинал», как он сам говорил. Но иногда посещал спектакли с ее участием. Изредка не гнушался мимолетными связями на стороне от трех жен.

До знакомства с тещами он не доводил события, ограничиваясь лишь мимолетными взглядами, чтобы потом его считали состоятельным человеком, что соответствовало действительности. Свекровь воспитывала его брата по тем женским законам, по которым она воспитала старшего отпрыска. Собственный гарем он никому не навязывал, а лишь радовал своих женщин чарующим присутствием в роли «хана Гирея», чья восточная внешность была ему сродни.

Эти же внешние данные и некоторые человеческие качества передались Лева, за исключением целеустремленного характера и чувства меры. Когда умер родной дедушка – «не век же ему куковать», – так говорили соседи после смерти майора запаса, у них в семейной жизни мало что изменилось.

Денег всегда не хватало. Лева поддерживал и маму, и бабушку, чем только мог. Он не пил, не курил, убирался в квартире постоянно, работал на даче, что скажут сделать. Полот траву, собирал яблоки, сажал сливовые деревья, кусты крыжовника. Собирать урожай он предоставил Васе, чтобы приучать сводного брата к семейной опеке.

Игнорировал Лева увеселительные заведения, так как все время посвящал дорогим его сердцу – бабушке, маме и ее подругам, кому она навязывала свой приличный товар за скромные деньги, устраивая примерочную в роскошной спальне с тремя окнами и балконом. Он давал советы, как лучше надеть то или иное платье, принимая во внимание свои школьные познания и опираясь на внешний облик одноклассниц.

Стопроцентным клоном своего биологического отца назвать его вряд ли кто-либо решился, однако сходство, несомненно, было.

Они с семьей и друзьями посещали зоопарки, театральные постановки со своими будущими – потенциальными покупателями, встречались по праздникам. Тем не менее, мама отфильтровывала незначительных знакомых, оставляя пальму первенства более состоятельным, кому можно было навязать свои старые, выдавшие виды, пальто или кофты. Так как бабушка в дни своей ранней молодости тоже съездила с мужем в Германию и накупила там для распродажи по завышенным ценам груды мелких, ненужных ей сувениров, чтобы перепродать по сносной цене и оправдать дорогу, как жена офицера. Тот был рад, что у него такая экономная и предусмотрительная супруга. В ее компетенции, как каждой любящей бабушки, были пироги, дача, есть ли у дочери муж, и кто он по профессии.

– Мое право выбирать себе друзей, – говорила Лера, обращаясь к подругам по работе.

– Конечно, – отвечали они ей хором, – не торопись выходить в третий раз замуж, посмотри.

– Мы когда со вторым мужем ездили в отпуск в Крым, то посетили ресторан в Ласточкином гнезде. Погудели там здорово! – восхищалась Лера красотами юга.

Знакомые кидались ехать в том же направлении, но денег на посещение ресторанов в заповеднике им никто не выдал после покупки у достопочтимой матери-одиночки с двумя детьми вещей за утроенную цену под впечатлением ее воспоминаний о счастливо проведенных днях медового месяца.

– Лева – очень послушный мальчик, – повторяла она почти ежедневно своим соседям, бывшим одноклассницам и однокурсницам, до тех пор, пока он сам не поверил в эту избитую истину, что матери всегда восхищаются своими наследниками.

Сеть клиентов росла, но деньги на мелкие расходы у Левы сокращались. Стипендию давали не регулярно, поэтому приходилось экономить на посещениях ресторанов и студенческих кафе, где собиралась прогрессивная молодежь, чтобы пообщаться и обсудить свои планы на будущее. Он часто обходился надоевшим обществом лучших знакомых матери, кому была безразлична его судьба.

– Приходите к нам на чаепитие, – любила приглашать Лера, а бабушка поддерживала ее инициативу.

– Хорошо, – соглашались гости, чтобы как-то поддержать дружбу семьями с непослушными ребятами.

Вот в один из таких дней собрались две семьи с детьми у Леры дома, расселись в кухне на стулья, дожидаясь, пока бабушка испечет пирог с капустой. Ей приходилось так же, как и Лева, экономить на всем.

– Надо подождать минут тридцать, пока пирог остынет, – сетовала бабушка, разливая чай по чашкам и пододвигая розетку с айвовым вареньем, смешанным с крыжовником.

– Мы не торопимся. Сейчас пойдем домой, – отвечали гости. – Пусть дети поедят, как следует.

– Приходите в следующий раз. Мы рады вас всегда видеть. Знаю, что вы дружите с моей дочкой, – настаивала она, обращая внимание, что у гостей не было шанса отказаться от такого нарочитого гостеприимства.

Бабушка любила таких рассудительных и бережливых гостей, специально приглашая посетить их с Лерой, посмотреть, как они обставились, сделали сами ремонт или покрасили двери, разводя белую краску пивом для колоритности.

Однажды, когда гости явились рано с букетом цветов хозяйке дома, чтобы праздничный день – Восьмого марта – отметить в компании друзей. Они так же расселись на стулья, обсуждая истекшие рабочие дни. Дети занялись разбором игрушек и предстоящего угощения.

– Такие сейчас высокие цены на все, – пожаловалась гостя с видом провинциальной мамы, – все магазины продают по блату, только своим лучшим знакомым.

– Да, – поддержала Лера разговор. – Мы сами перебиваемся. На одни детские игрушки, сколько денег надо?! Ужас!

– А мы сами отдаем то, что выиграли в детских лагерях в соревнованиях, – доложила рассудительная мамаша. – Слишком громоздкие эти игры. Хранить негде. А так, пусть дети играют, радуются. А то детство пройдет, вспомнить нечего будет.

– Если есть, что оставлять, можно даже не думать о завтрашнем дне, – вник в беседу Лева, радуясь, что у него снова появились слушатели, он продолжил восхищаться своим красно-речием. – Я все свои игрушки подарил Васе на память.

– Да, – подтвердила Лера, – они играли в одни и те же игры – солдатиков.

Внезапно все гости, включая хозяйку (бабушка была на дежурстве в аптеке) услышали этажом выше сильный удар, как будто неожиданно свалился на пол шкаф или тяжелое кресло. Затем примерно такой же звук повторился. Дети в испуге забежали в зал, где происходил разговор между молодыми женщинами и Левой. А следом все присутствующие поняли, что там наверху начали переставлять мебель в праздничный день, так как звук перетаскиваемого тяжелого предмета был отчетливо слышен.

– Зачем заниматься ремонтом в праздник? – удивилась гостя.

– У нас все возможно. Значит хотят сменить обстановку или перепланировать квартиру. Там живут состоятельные люди – врачи – муж с женой. У них есть средства на такие серьезные изменения в интерьере, – сказала Лера нравоучительно, хотя сама мало поверила в свои рассуждения, понимая, что в праздник заниматься чем-то тяжелым никто не хочет.

Гости пообщались в таком же составе и разошлись по домам, оставив хозяйке приятные впечатления от общения. На следующей неделе, предварительно созвонившись, встретились попить чай с печеньями, вишневым и яблочным вареньем, но уже у бывшей посетительницы дома, куда она пригласила Леру с детьми.

Лева идти наотрез отказался, сославшись на занятия в университете и подготовку к ним.

– Помнишь, в тот прошлый день, когда вы приходили к нам, какие-то звуки с потолка этажом выше? – спросила Лера, заискивающе.

– Да, помню. Что же переставили шкафы или выбросили? – спросила подруга по работе, куда та рекомендовала прийти, устроиться библиотекарем в клуб.

– Представляешь?! К нам приходила милиция, они спрашивали, знаем мы что-то. Конечно, я рассказала, все, что слышала сверху в тот праздничный день. Милиционер даже записал наш номер телефона и личные данные. Мои и Левы. Оказывается, там произошло двойное убийство с ограблением, – Лера сделала страдальческое выражение лица. – Вынесли все золото и деньги из квартиры.

– Неужели, никто не видел, как убийца выходил из дома? – наивно спросила подруга Леры в недоумении.

– Никто не знал, почему это случилось. В квартире нашли два окоченевших трупа пожилых людей с пробитыми черепами, когда приехала милиция, так как они не появились на работе. Вскрыли с понятиями дверь. На столе стояло три пустых фужера и бутылка вина.

– Наверно похоронили ваших соседей, которые оказались в руках разбойника? – спросила мамаша, беспокоясь о здоровье своих детей.

– Нет, они пока в морге. Идет расследование преступления, – заверила Лера подругу.

После того страшного случая подруги редко встречались. Практически прекратили общаться друг с другом.

– Помнишь тот случай? – спросила Лера подругу, с которой однажды встретилась.

– Конечно. Такое вряд ли забудется, – подруга с напряженным вниманием посмотрела на Леру.

– Убийца в итоге был найден. Им оказался дальний родственник или знакомый врачей, который убил своих друзей ради корыстных целей, чтобы завладеть их имуществом, – сообщила она по секрету.

– А следователь что сказал? – спросила отзывчивая подруга, меняясь в лице от ошеломляющего известия.

– Милиционер сказал, что врачи, дожидаясь гостей, оказались под прицелом охотника за черепами – настоящего конкистадора двадцатого века.

Счастливые пленники

– Возьми с собой камеру. Снимешь на видео концерт и покажешь мне, что получилось, – посоветовал родственник заранее куратору группы студентов-медиков, – потому что сам предложил билеты для распространения, – пойти не смогу из-за затянувшейся болезни и загруженности на работе в музыкальной школе, где раньше учились эти выпускники.

– Много билетов у тебя еще осталось? – спросила она, беспокоясь о здоровье, занятая разбором сумок с едой, доставленных домой после похода по магазинам. – Ты бы мог предложить своим знакомым, руководителю группы пианистов, заведующим отделов или студентам факультета духовых инструментов, – предложила она.

– Устал предлагать. Никто не хочет идти. Пойдешь или нет? – спросил с театральным апломбом родственник, пряча билеты подальше от глаз к себе в бумажник.

– Ладно, возьму десять. Меня уже спрашивали, есть ли еще лишние билеты, – согласилась она, ориентируясь, что магазины уже закрыты, а для ночных посещений нужен специальный провожатый, который заболел.

На другой день трое студентов вернули билеты, из-за не сданных зачетов, поэтому времени на посещение концертов у них было в обрез.

– Простите, – подоспели студенты из другой группы, назвав куратора по имени отчеству, чтобы проявить уважение к будущему экзаменатору, – мы пойдем на концерт вместо тех, кто отказался.

У них начались трения между собой, но возвращать билеты никто не стал, а лишь передали тем, кто отважился пойти без проблем с зачетами и здоровьем.

Куратор второго курса – женщина бальзаковского возраста – пришла с группой студентов на концерт в филармонию, чтобы насладиться игрой на гитаре, для обмена опытом по воспитанию специалистов и записать на камеру некоторые номера. Выглядела она для своего возраста очень молодо и ухожено. Приятные черты лица, легкий грим, волнистые волосы заколоты и слегка распушены с боков, строгое синее платье с белым воротничком, лаковые туфли говорили об академическом статусе классной дамы. Все волнения остались позади. Приглашенные билеты разошлись среди студентов и школьников очень быстро, так как стоили очень дешево, поэтому набралось человек тридцать слушателей: дети с мамами и бабушками, несколько подростков и студенты. Для такого концерта в фойе – это было много. Выступали выпускники струнного отделения консерватории.

Явились все шесть студентов – будущие врачи-стоматологи. Остальные четверо уехали на выходные домой, чтобы запастись продуктами питания, а на концерт сходить в другой день по этим же оставшимся билетам. Так разрешалось делать для посещения в обычные дни, но не антрепризеров – актеров с именем. Кто старался заработать на квартиры, машины, поездки концертами или спектаклями на периферии по столичным ценам. Билеты на их выступления стоили баснословные деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.